

Небесная империя

Максим Сабайтис

Битва за небо

2007

Сабайтис М.

Битва за небо / М. Сабайтис — 2007 — (Небесная империя)

Роман «Битва за небо», первый том сериала «Небесная империя», продолжает лучшие традиции российской боевой фантастики и японского аниме! В этом мире все не так, как у нас. В конце XVIII века история пошла здесь иным, более извилистым путем. Вместо технологий, основанных на паре и электричестве, миром правит психотехника – магия новейшей эпохи. К концу XX века в смертельном противостоянии сталкиваются четыре империи, четыре могущественные силы: Россия, Британия, Япония и Священная Римская Империя. Великие маги-психотехники ведут незримую битву за контроль над четырьмя стихиями и человеческими душами. Исход этого беспрецедентного противостояния определит судьбу народов Земли, даст понять, куда какой дорожкой идти человечеству дальше.

Содержание

I	6
II	24
III	39
IV	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Максим Сабайтис

Битва за небо

«...Зимой Россия напоминает текст. Много-много белого пространства, на котором точечками и черточками вычерчены таинственные символы, только на первый взгляд подходящие на карту местности. Извилистые, присыпанные сажей тропинки, напоминающие о лабиринтах и минотаврах, грязные дороги, заслуженно считающиеся не то первой, не то второй государственной бедой...

Гости из Японии, с которыми я делился подобными размышлениями, понимающе качают головой. Их культура приспособлена к восприятию иероглифов, а потому даже в этой бытовой топографии они могут видеть какой-то тайный смысл. Когда дирижабли с изображением хризантемы на корпусе разворачиваются над моим домом, я обязательно вспоминаю своего старого друга Асикага Дзиро, который гостил у меня пять лет тому назад.

Удивительная все-таки вещь – дружеское общение так непохожих людей, говорящих на разных языках и дополняющих каждую реплику жестом или взмахом вольта!

Дзиро-доно полагает, что снежное изобилие должно навевать мысли о смерти. Когда мы говорили о погоде, он постоянно цитировал «Хакагурэ» и еще какие-то японские тексты, названий которых я, к прискорбию своему, не запомнил.

Наш суровый климат должен воспитывать в подростках дух настоящих самураев. Этот тезис повторялся с завидным постоянством. С одной стороны, с господином Асикагой нельзя не согласиться. Зимние тренировки на улице всегда отличались повышенной эффективностью. С другой стороны, нельзя забывать и о политике. А с точки зрения человека, увлеченного политикой, речь моего японского коллеги напоминает о проблемах на Дальнем Востоке. К счастью, это противоположный край планеты и Российской империи.

Поделился своими соображениями с Николаем. Ему скоро предстоит экзамены на право ношения меча, а потому еще один урок вольномыслия был не лишним. Николай выслушал мой монолог, выдержал положенную для ученика уважительную паузу и сделал весьма любопытное замечание:

– Россия – это не текст. Россия – это тест Роршаха. Воистину, умом не понять и аршином не измерить».

(Из дневника Поликарпа Матвеевича Архипова, СЭНСЭЯ Мариенбургской психотехнической школы.)

I

Дирижабль с хризантемой на борту, номером 213 на рулевых лопастях и надписью «Мусаши Тайхо», сделанной на пяти языках по сторонам подвешенной снизу гондолы, медленно терял высоту. Из разодранных в клочья газовых камер вырывалась подъемная смесь, насосы, поспешно перекачивавшие газ из поврежденных камер в резервные, неповрежденные, перегревались, выходили из строя, но не будь их – окончательное падение давно бы уже состоялось. Техника работала на износ, длила агонию воздушного корабля, пытаясь дать людям шансы на спасение, хоть какую-то надежду избежать падения в холодные и беспощадные воды Тихого океана.

Иногда казалось, что самое опасное уже осталось позади. Резервные камеры округлялись, обретали подъемную силу. Но стоило падению прекратиться, сверху пикировали две «эринии», дирижабли меньших размеров с «Джек Юнионом» на сигарообразных корпусах. И вновь стрекотали пулеметы, вновь скрещивались трассы на газовых камерах японского корабля. Японцы пытались отстреливаться, но пулеметные гнезда по правому борту были уничтожены, а турель на верхней боевой платформе заклинило на половине восьмого. И все же «эринии» осторожничали. Отсутствие тяжелого вооружения вынуждало их приближаться к падающему дирижаблю на расстояние эффективной пулеметной стрельбы. Меткий стрелок с крупнокалиберной винтовкой мог вести ответный огонь, расстреливая тяжи, системы управления рулями и прочие уязвимые элементы. На японском дирижабле снайперы были, об этом свидетельствовало легкое рыскание по горизонтали одной «эринии» и разбитые перископы переднего пулеметного гнезда. Вот почему нападающие сближались с «Мусаши Тайхо» только тогда, когда запасные камеры становились особенно уязвимыми.

– Как вы полагаете, Дмитрий Никанорович, они нас заметили или пока нет?

Спрашивавший носил мундир действительного тайного советника, украшением которого служила лента Мальтийского креста первой степени. Это был худощавый мужчина пятидесяти с лишним лет, седовласый и сероглазый, привыкший руководить, но не являвшийся при этом тираном. Внимательный наблюдатель, из числа тех, что время от времени вводятся авторами ради озвучения авторского мнения, без сомнения, констатировал бы, что своего уровня некомпетентности действительный тайный советник еще не достиг, да и вряд ли достигнет, поскольку амбициозности в его поведении не отмечалось.

– Вряд ли, Платон Эдуардович. Заметить дирижабль, идущий на превосходящей высоте, да еще и на солнечной стороне, затруднительно. Оптический метод обнаружения... вряд ли. Ни британцам, ни тем более японцам сейчас не до этого. Психотехнический метод... тоже затруднен. Я, например, ничего не ощущаю. Для этого надо быть, по меньшей мере, гроссмейстером, а откуда гроссмейстеру взяться на дирижаблях такого класса?

Тот, кого называли Дмитрием Никаноровичем, был много моложе обладателя Мальтийского креста. Ему недавно стукнуло тридцать семь, но по внешнему виду мало кто дал бы ему больше двадцати пяти. Просторные белые одежды с перекрещенными диагональными полосами синего цвета напоминали Андреевский флаг. Меч, крестовина которого высывалась из-за левого плеча, не только отгонял возможную нечисть, но и свидетельствовал о том, что Дмитрий Никанорович является одним из психотехников, состоящих на государственной службе. Со времен Павла Первого, когда Мастерство появилось на свет, к «психам» старались относиться со всем возможным уважением, благо что польза от них была очевидна для большинства здравомыслящих людей.

– Похоже, нам доведется стать свидетелями нешуточного боевого столкновения, – заметил действительный тайный советник. – Или, может, наш славный капитан считает, что все обойдется и обе эскадры предпочтут обойти друг друга стороной?

Третий собеседник, авиационный капитан первого ранга, обладал запоминающейся внешностью кавказца, лучезарной улыбкой и выговором столичного жителя.

– Ваше высокоблагородие, видит бог, я не силен в предсказаниях. Все зависит от адмирала Куриты: если он сочтет, что способен победить британцев, сражение неминуемо. В эскадре РикOVERA слишком много тяжелых дирижаблей. С их скоростью бежать невозможно.

– Будем дипломатичны, капитан, – улыбнулся Платон Эдуардович. – Уклонение от боя. Бегство это... слишком сильно сказано.

Британские дирижабли пошли в новую атаку, но именно в этот момент японские авиаторы распахнули бомболомки и сбросили в океан свой балласт. Одна из «эриний», подлетевшая к незащищенному правому борту, чтобы уничтожить очередной набор газовых камер, внезапно оказалась ниже противника. Пулеметные очереди окатили нижнюю боевую платформу, но все находившиеся на ней стрелки были надежно укрыты за бронированными плитами. «Мусаши Тайхо» с неожиданной для израненного корабля грацией сделал поворот направо и оказался прямо над попавшимся в ловушку британцем.

Вторая «эриния» бросилась в отчаянную атаку, приблизилась к «Мусаши Тайхо» с той стороны, с которой располагались уцелевшие пулеметные ячейки, но помешать японцам уже не успела. Четыре бомбы, одна за другой, покинули нижнюю боевую платформу. Две из них прошли мимо, практически чиркнув стабилизаторами по защитной арматуре, но от двух других британский дирижабль увернуться не сумел.

Первая бомба взорвалась на верхней платформе, уничтожила пулеметное гнездо, семафор, убила четырех членов экипажа и распорол три секции газовых камер. Вторая бомба упала секундой позже. Капитан угодившего под бомбежку дирижабля, используя преимущество в скорости, пытался выскочить из-под неповоротливого, практически поверженного японца. Ему удалось вырваться вперед на половину корпуса. Бомба проскочила мимо изуродованной платформы и угодила прямоиком в винтовую часть. Осколки лопастей распоролы еще две секции, повредили рули управления, а один из них рассек пополам черную трубу, из которой немедленно повалил густой дым.

– Уклонение от боя, ваше высокоблагородие, это когда боя удается избежать совсем, а когда приходится отступать под огнем неприятеля, это будет именно бегство, – возразил капитан. – Я полагаю, что решение о бое Курита примет не раньше, чем получит от «Мусаши Тайхо» информацию о составе британской эскадры.

Тем временем капитан второй «эринии» расстрелял полупустые секции «Мусаши Тайхо», получил две ответные очереди в район ходовой части и, поняв, что своими действиями уже ничем не поможет товарищу, отошел в сторону.

Первая, поврежденная «эриния» выскочила из-под японского дирижабля и, порождая длинный дымовой хвост, отчасти укрывавший «Мусаши» от наблюдателей, попыталась набрать спасительную высоту. Хвостовые пулеметы с нижней платформы британца приготовились расстрелять любого японского смельчака.

Внезапный порыв ветра разметал в стороны дым, подхватил «Мусаши Тайхо», швырнул его вверх и вперед. Короткая парабола вывела японский корабль туда, куда его нацеливал капитан. Защитные решетки столкнулись со страшным скрежетом, металл от удара покорежился, на некоторое время сцепляя воздушные корабли в единое целое.

На верхней платформе поврежденного британца после падения бомбы уцелел только один стрелок. Ему повезло и на этот раз.

Нижняя боевая платформа «Мусаши Тайхо» тоже пострадала: японец лишился одного из двух оставшихся пулеметов. Из-под прикрытия бронированных плит навстречу уцелевшему британскому стрелку выскочили люди в белых, свободно развевающихся на ветру одеждах. Стрелок, едва-едва пришедший в сознание, попытался достать из кобуры свой кольт, но один воздушный поток ударил его в лицо, другой – по дрожащей руке.

Когда наступило относительное затишье, столь же неестественное, сколь и эти воздушные удары, перед стрелком уже стоял самурай с мечом. Затем стрелка не стало – его голова покатилась по металлическому покрытию платформы, достигла края и упала в воду. Высадившаяся абордажная команда, практически весь уцелевший экипаж «Мусаши Тайхо», за исключением капитана и его помощника, без промедления перескочила через ограждение и полезла по внешней арматуре в сторону рубки.

Его высокопревосходительство задумчиво посмотрел на японских героев-авиаторов.

– Подобные баталии достойны того, чтобы их запечатлевали. Надеюсь, Ростислав Дмитриевич, наш синемаатографист отснял сражение от начала до конца?

Капитан сделал несколько шагов по обзорной площадке, подошел к столбу со слуховой трубкой и какое-то время разговаривал со своими помощниками.

– Все заснято, – доложил он спустя несколько минут. – Синемаатографист спешным порядком меняет бобины, на горизонте объявился Второй Императорский флот, а значит, совсем скоро Курита сойдется с англичанами. Думаю, имеет смысл распорядиться, чтобы депеша о нашем прибытии достигла Куриты до начала сражения. Просемафорить, ваше высокопревосходительство?

– Разумеется, – кивнул Платон Эдуардович. – Только будьте лаконичны – Курита все равно уже многое знает от своих «психов», то есть, прошу прощения, Дмитрий, психотехнического персонала.

Дмитрий Ледяников позволил себе поморщиться, благо на него все равно никто не смотрел. Психотехников довольно часто сокращали до «психов» – за глаза ли, в желтой бульварной печати или в разговорной речи простонародья. За последние двадцать лет это слово почти что утратило изначальный уничижительный оттенок и перестало означать душевнобольных, но привычка видеть в его употреблении скрытую насмешку отличала всех психотехников его поколения. А вот молодежь, только-только сдавшая экзамены, даже гордилась этим названием, проводя черту между одной психотехнической генерацией и другой. Но даже они обижались, когда в их присутствии звучало слово «психованный», так и не утратившее связи с буйными душевными расстройствами.

– Нас заметили... «психи» Куриты, – доложил он, прикрывая глаза ладонью. – И с дирижабля Красного Креста тоже шлют приветствия.

Японские мастера направили в сторону «Дежнева» лучи своих Намерений, как будто хватаясь дарованной им силой, – с расстояния, превышающего километр. На то, чтобы ответить подобным образом, у Дмитрия не хватало умения: японские психотехники недаром считались самыми лучшими в мире.

Тем временем абордажная команда легко справилась с экипажем британца. Вторая «эриния» попыталась подойти вплотную к товарищу, но получила в упор поток свинца из бортовых пулеметов. Уйдя от перестрелки маневром с отставанием и набором высоты, британец приступил к обстрелу дымящейся кормы захваченного дирижабля.

Оставленный без присмотра корпус «Мусаши Тайхо» завалился набок и сильно потерял в высоте.

– Сейчас будут отстреливать нижнюю платформу, – авторитетно заявил Чесноков. – Помощь на подходе, достаточно облегчить дирижабль на несколько тонн, и времени хватит, чтобы дождаться спасателей.

Наверное, капитан «Мусаши Тайхо» пытался это сделать, но столкновение повредило крепления платформы к дирижаблю. Вместо того чтобы упасть в океан, подарив многострадальному кораблю несколько дополнительных минут жизни, та отделилась лишь наполовину и чиркнула по волнам. И без того малая скорость упала до нуля. Газовые камеры резко раздулись. Очевидно, капитан повредил клапан и выпустил наружу из хранилища весь газ сразу. На несколько секунд корабль поднялся над волнами, но полоскавшие на ветру полотнища ткани

не удержали последнюю порцию газа и «Мусаши Тайхо» с плеском нырнул в воду. Какое-то время на поверхности еще плавали остатки газовой камеры. Холодные ноябрьские воды медленно подбирались к немногим уцелевшим пузырям и словно нехотя поглощали их один за другим.

– Мы не художники слова, но воспоминания о сегодняшнем дне все равно стоит записать, – оторвавшись от подзорной трубы, сказал Платон Эдуардович. – Военные историки нам не простят, если мы не приступим немедленно.

– Со всеми подробностями или вкратце? – поинтересовался Дмитрий, которому оптические механизмы были без необходимости. – Если с подробностями, есть риск пропустить то, что сейчас начнется. Я вижу на горизонте британскую армаду.

– У Рикопера численное преимущество, – заключил Ростислав Чесноков, взглядевшись в скопление черных точек на северо-северо-востоке. – Большую часть его эскадры составляют тяжелые дирижабли, так что у Куриты шансов немного. Я бы на месте японцев отошел к родным островам.

– Психотехники Второго Императорского сигнализируют нам о намерении сражаться, – возразил Дмитрий. – Я не знаю, на что они рассчитывают, но японские дирижабли перестраиваются в боевой ордер. Готовьтесь увидеть бой.

– Все равно надо записать, – упрямо повторил Платон Эдуардович. – Представьте, как это будет красиво звучать лет через пятьдесят: «Тринадцатого ноября одна тысяча девятьсот девяностого года от Рождества Христова, в девять часов пятнадцать минут по токийскому времени боевой дирижабль Второго Императорского флота...»

– Вам действительно стоит писать мемуары. – Ледяников сосредоточился и взмахнул рукой. Повинуясь его жесту, навстречу, будто бы сам собой, подъехал небольшой столик на колесиках. На столике обнаружилась початая бутылка коньяку, три рюмки и толстая стопка бумаг. – Мне очень жаль, что сейчас у вас на это нет времени.

– Вы правы, Дмитрий, – с сожалением вздохнул Платон Эдуардович. – Грядущее сражение потребует от всех нас максимум внимания. Наше присутствие в качестве нейтральной стороны принесет большую пользу Отчизне. Так что давайте выпьем за процветание России и приступим к делу.

Над захваченной «эринией» был поднят флаг Страны восходящего солнца. Вторая «эриния» отказалась от обстрела развороченной кормы и заняла безопасную позицию в зените, над полностью выведенной из строя верхней боевой платформой.

– Кажется, у англичан проблемы с бомбами, – заметил Платон Эдуардович. – С их преимуществом в скорости и маневренности бомбардировка была бы самым эффективным решением, но они даже не распечатывали бомболюки. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь боевые корабли не должны отрываться от эскадры, имея неполный боекомплект...

– У эскадры адмирала Рикопера, должно быть, трудности со снабжением, – переглянувшись с «психом», предположил Чесноков. – Ближайшее место, в котором его корабли могли бы загрузиться, расположено в сотнях километров отсюда, на американском побережье, в Орегоне. Если принять во внимание курс эскадры, легко предположить, что английский адмирал вылетал куда-то в район Алеутских островов, а теперь возвращается на базу. Конечно, Алеуты де-юре являются российской территорией, но де-факто контроль над островами у России только формальный – вы же сами видели отчеты по региону.

– Нехватка бомб на легких дирижаблях – существенный фактор, – признал Платон Эдуардович. – Мне кажется, Курита это учел. В таких условиях перевес в легких дирижаблях может сыграть свою роль.

Дмитрий покачал головой. Орегонская эскадра, по имевшимся у России данным, состояла из тяжелых бронированных дирижаблей, хорошо вооруженных, с экипажем, состоящим из лучших аэронавтов Британской империи. Единственным козырем Куриты являлись «психи».

Психотехническая атака вкупе с элементом неожиданности. А может быть, и какая-нибудь хитрая стратегическая задумка.

Тем временем британские пулеметчики со второй «эринии» поразили котел обстреливаемого дирижабля – к черному дыму, продолжавшему вырываться из поврежденной трубы, прибавилась белоснежная струя пара.

– Мне кажется, что Курита все же немного переоценивает свои возможности, – заметил Дмитрий, вспоминая карту района боевых действий. – Даже если ему удастся победить, от Второго Императорского флота мало что останется. Кто же тогда будет прикрывать караваны из Шанхая?

– От кого прикрывать? – вмешался каперанг, очевидно производивший сходные расчеты. – Помимо эскадры РикOVERA, у Британской империи поблизости нет ни одного крупного соединения. Даже Орегон фактически остается без прикрытия с воздуха. Победа в этом сражении обезопасит морские торговые пути на год, если не больше. Или же Британии придется перебрасывать соединения с запада, оставляя без присмотра драгоценный Гонконг. Согласитесь, что подобный вариант маловероятен.

– Маловероятен, – подтвердил действительный тайный советник.

Дельтапланеристов британцы заметили слишком поздно. Пулеметы судорожно дернулись в сторону, но поймать в прицел вертких японских летчиков не сумели. Один дельтаплан прошел впритирку с корпусом рубки, второй – чуть выше «эринии», сбросил на нее связку гранат и был таков. Третий дельтаплан врезался в рули, но летчику каким-то чудом удалось перепрыгнуть на смягчившую столкновение арматурную решетку.

– И этот корабль англичане ухитрились потерять, – констатировал Чесноков. – Это же настоящий самурай, что с ним может сделать экипаж из двенадцати человек?

Ответ не замедлил ждать. Вместо британской «эринии» в небе возник огромный огненный шар.

– Взрыв в газохранилище, – вздохнул Платон Эдуардович. – Как вы полагаете, на синематографии зрелище будет столь же красочным?

Двенадцать человек экипажа и герой-самурай, подумал Дмитрий. Представители Красного Креста даже не стали снижаться над океаном.

Авиаторы на захваченной «эринии» наконец-то заметили воздушные силы Куриты, попытались повернуть в их сторону, но осколки превратили всю кормовую часть в металлолом. Положение спас тяжелый броненосец «Киришима», сманеврировавший таким образом, что японские герои с «Мусаши Тайхо» сумели перебраться на его палубу по веревочной лестнице.

– Жалко трофей, – вздохнул Ростислав Чесноков таким тоном, как будто «эринию» захватывал он, причем в одиночку. – Ну и что с того, что котел поврежден? И холостым ходом долетели бы, на психотехнике...

– Это перед самым сражением еще возиться с дохлой железкой? – засомневался Дмитрий. – Курита на это не пойдет. Его козырь – маневренность. А вот ее-то обеспечить на трофейном корабле как раз и невозможно.

Оставленная без присмотра «эриния» пролетела по инерции еще полтора километра, после чего внезапно разлетелась на куски.

– Очевидно, котел был поврежден куда серьезнее, – пробормотал под нос капитан «Дежнева». – Скоро начнется действительно крупное сражение. Мне придется подняться на мостик. Прошу прощения.

Платон Эдуардович понимающе кивнул.

– На вашем месте, Ростислав, я бы поступил точно так же.

– Вам, Дмитрий, не кажется, что предстоящая битва будет какой-то не вполне реальной? – поинтересовался его высокопревосходительство после того, как в обзорной кабине несколько минут кряду звучал только легкий скрип кресла-качалки да звон бокалов. – Во мне отчего-то

зреет ощущение, будто наша встреча с «Мусаши Тайхо» не должна была состояться. Мы бы не заметили его гелиографических сигналов, не изменили бы курс, а значит, разминулись бы с Куритой. А может, даже и битвы никакой не было бы...

– Не сегодня, так завтра, – предположил «псих». – На сегодняшний день РикOVER с его орегонцами является единственной британской силой в регионе. Рано или поздно японцы все равно подстерегли бы его в наиболее выгодной для себя ситуации – только вот мы бы этого не увидели.

В это время российский дирижабль сблизился с кораблями Куриты и получил от них разрешение занять место в строю рядом с наблюдателями от Красного Креста.

– Не самая удачная диспозиция, – проворчал Дмитрий Ледяников, глядя, как облака закрывают от него значительную часть театра военных действий.

– На войне не выбирают, – философски заметил Платон Эдуардович, уверенной рукой разливая коньяк по бокалам.

За стеклами кабины вовсю бушевали ветра, температура уходила в глубокий минус, но внутри за счет парового отопления можно было обходиться без верхней одежды.

– В нашем наблюдении, каким оно мне представляется со стороны, есть порочный элемент сибаритства. – Устав от гнетущей тишины, советник предложил новую тему для разговора. До начала масштабных боевых действий, по общему мнению наблюдателей, оставалось чуть более часа – самый неудобный из возможных интервалов. – Мы можем спокойно пить спиртные напитки, курить сигары и даже вести философские разговоры, в то время как представители двух крупных держав, двух столпов мировой политики сходятся в сражении не на жизнь, а на смерть. Я иногда думаю, а может, и наши ангелы-хранители точно так же сидят где-нибудь в сторонке, предаются райским наслаждениям и смотрят за тем, как мы, согласно свободе воли, совершаем одну глупость за другой. Как вы полагаете, Дмитрий?

– Вполне даже возможно, что так оно и есть, – согласился Дмитрий. – Однако мы невольно наделяем ангелов-хранителей всеми пороками, которые присущи и нам. Что для ангела возможность выпить хорошего коньяку или его райского аналога перед необходимостью следить за сохранностью нашей души? Ежели его приоритеты в пользу сибаритства, то это уже не ангел получается, а самый заурядный гений, о чьем существовании было известно еще древним грекам.

– Язычество какое-то, – нахмурился Платон Эдуардович. – Должно ли православному человеку верить в древнегреческих бесов? В них даже древние греки, как я слышал в университете, толком не верили.

– Вот и я о том же, – заметил Дмитрий. – Ваши прохлаждающиеся ангелы-наблюдатели столь же далеки от канонів православия, сколь и гении. С другой стороны, если эти гипотетические ангелы-гении не вписываются в православные законы, то каким боком в них вписываемся мы, по сути занимающиеся тем же самым?

– Вовсе и не тем же, – возразил действительный тайный советник. – Наша служба необходима для безопасности всей России. Мы – третья сторона, которая может дать показания в том случае, если кто-то из воюющих нарушит принятые всеми цивилизованными державами конвенции. Кроме того, мы такие же люди, как и те, кто сейчас будет умирать во славу Британской и Японской империй. И ничто человеческое нам не чуждо.

Сражение продлилось до самой темноты. Даже когда контуры дирижаблей стали сливаться с небом, все еще звучали выстрелы, разрывали пространство пулеметные очереди, падали и тонули подбитые корабли. Быстрая атака японцев помогла им вывести из строя практически все британские дирижабли среднего тоннажа, но оказалась бессильна против сомкнутого строя тяжелых броненосцев.

Потеряв в атаках четыре дирижабля, Курита попытался разрушить построение британцев при помощи созданного коллективными усилиями своих «психов» мощного воздушного

потока. Попавший под его удар легкий дирижабль чуть поменьше «эринии» был безжалостно отброшен в сторону, окунулся в море и взорвался от попадания воды в машинное отделение.

Увы, это оказалась единственная потеря РикOVERA. Британские «психи» заметно уступали японским и числом и умением, но все же их способностей хватило на разрушение столь сложной психотехнической структуры. До тяжелых орегонских дирижаблей воздушный поток дошел в виде несерьезного порыва ветра – может, чуть более сильного, но явно не способного разрушить строй.

Чесноков приходил трижды, каждый раз с новой порцией комментариев к увиденному. С капитанского мостика происходящее виделось совсем не так, как из обзорной кабины, тем более не видевшему до этого дня ни единого сражения Дмитрию и смутно помнящему русско-османскую войну 1973 года советнику. Невесть сколько раз появлялся слуга Платона Эдуардовича, приносил сигары и переданные на борт с помощью семафоров депеши – от Куриты, РикOVERA и Красного Креста. Политика вершилась и тут, посреди кровопролития.

– Что-то у Куриты не заладилось, – задумчиво пробормотал советник, вглядываясь во вспышки семафоров, пожары на поврежденных дирижаблях, вслушиваясь в гул двигателей и разрывы снарядов. – Маловероятно, чтобы полководец его уровня не знал, что все закончится именно так.

Японцы дрогнули и выдвинули из арьергарда корабли прикрытия. Созданная ими дымовая завеса укрыла центр сражения, распространилась на фланги и позволила японским дирижаблям отступить. С корабля Красного Креста озабоченно сверкнули семафором – подобное прикрытия могло спрятать не только воздушные корабли, но и какие-то нарушения международных конвенций. Например, использование огнеметов...

– Пока что дело идет к тому, что остатки японцев отступят, а потрепанные англичане продолжат свой путь, – подытожил Дмитрий. – Хотя и тем и другим предстоит продолжительный ремонт...

– Курита не уничтожил тяжелые броненосцы. Насколько я понимаю, именно в этом и был смысл проводимой операции? Иное дело, я не вижу никакой тактической хитрости в японских маневрах. Атаковать лоб в лоб, имея минимальные шансы на победу? Был у него какой-то козырь...

– Новое оружие, отчего-то не сработавшее? Или, быть может, они не пожелали применять его в нашем присутствии?

За спиной у собеседников хлопнула дверь, и в кабину вошел взволнованный Ростислав.

– Прошу прощения, – заговорил он с самого порога. – Я слышал обрывок вашего разговора. Курита планировал обойтись без технологических новинок. Мы только что узнали, в чем состоял его план.

– Военно-морской флот?

– Военно-морской флот. Мы сместились на юго-запад, и с нашей высоты видно то, что пока еще скрыто от Куриты. Наши «психи» заметили остатки двух эскадренных броненосцев. Вроде бы это «Фудзи» и «Яшима», но в такой темноте мы можем и ошибаться.

– Ошибаться при опознании поврежденных надстроек или при расшифровке японского кода? – позволил себе ироничную улыбку действительный тайный советник. – Ростислав Дмитриевич, я сотрудничаю с разведывательным управлением уже третий десяток лет, да и моему ассистенту-психотехнику тоже предстоит иметь дело с разведчиками. Вы можете позволить себе большую откровенность.

Капитан первого ранга одарил Платона Эдуардовича восхищенным взглядом.

– Вы полностью правы, ваше высокопревосходительство, – признался Чесноков. – Заметивший корабли дирижабль воспользовался кодом, который наши шифровальщики раскололи где-то на две трети. Догадаться о содержании сообщения по расшифрованным фрагментам не составляет труда. Курита планировал заманить британские дирижабли туда, где их можно

было бы обстреливать из корабельной артиллерии с большого расстояния. Практически полное отсутствие бомб вынудило бы РикOVERA с боем прорываться к эскадренным броненосцам в зенит, чтобы обеспечить хоть какую-то бомбежку, – в этом случае корабли разошлись бы в разные стороны и продолжили расстрел. Однако кто-то разгадал японские замыслы и сумел их разрушить.

– Кто бы это мог быть? – спокойно поинтересовался Платон Эдуардович, хотя Дмитрий видел, что советник буквально сгорает от любопытства. – Британские военно-морские силы исключаются, им не удалось бы спрятаться от патрульных дирижаблей. Для подводных лодок расстояние слишком велико. Неужели гонконгская эскадра?

– Курите тоже было интересно узнать виновника сегодняшнего поражения, – кивнул Ростислав. – К счастью, эту часть сообщения мы поняли. Последовательность знаков, обозначающих субмарину, встречалась в нем четыре раза.

– Четыре подводные лодки? – На этот раз удивился Дмитрий, превосходно помнивший последние сводки, ложившиеся к Платону Эдуардовичу на стол. – У Британской империи в Тихом океане было только шесть субмарин, причем четыре из них – у северного побережья Австралии, одна в Сингапуре и еще одна – допотопная, если позволителен такой каламбур, вечно ремонтирующаяся и не отходящая от берега дальше чем на полсотни миль, – в Орегоне.

– Не четыре, – покачал головой капитан «Дежнева», выглядевший столь же озадаченным, что и советник с Дмитрием. – Подводная лодка была только одна.

Второй Императорский флот, точнее, то, что от него осталось, подошел к полузатоленным броненосцам. С флагманского дирижабля спустили на воду катер. Тем временем на нижней боевой платформе лихорадочно монтировали источники освещения, устанавливали лампы и тянули к ним шланги с газом.

– Курита – самурай. – Платон Эдуардович вздохнул, потянулся за бокалом, но передумал и взялся за оптику. – Тот, кто утопил эти корабли, сорвал блестящую военную операцию, а значит, нанес ущерб его воинской чести. Такие вещи не могут оставаться без ответа. Одна подводная лодка – невероятно! Военная история не знает подобных случаев. Курита, несомненно, захочет отомстить.

– Подводной лодке?

– Тому, кто нанес удар. Тому, кто задумал осуществить этот удар. В конечном итоге все упирается в человека. В одного-единственного человека, принявшего решение. Знаете, Дмитрий, у меня никогда не было зафиксировано никаких психотехнических способностей. Знатный род, многовековая история... Но сейчас я чувствую что-то очень странное, может быть, даже психотехническое...

Платон Эдуардович приложил руку с зажатой в ней трубкой к сердцу, другой рукой устало прикрыл глаза.

– Вы с Ростиславом верно скажете, старик бредит. Напился и несет чушь... Не буду спорить. Вам, конечно, виднее. Но и мне тоже виднее... Предчувствие... вроде бы так оно называется... Начинается что-то большое и очень страшное... И дай нам Господь силы с честью перенести все те испытания, которые он для нас приготовил.

История тем не менее имела продолжение. По возвращении во Владивосток Дмитрий благополучно забыл о том предсказании, которое сделал Платон Эдуардович. Поездка к Курите осталась в прошлом, обогатив память воспоминаниями о воздушном сражении, изрядно приукрашенном запоздалой фантазией. Жизнь снова вошла в привычную бюрократическую колею: письма, отчеты, распоряжения, редкие посетители. Сердцевина Тихоокеанского управления, даже несмотря на затяжную войну двух влиятельных соседей, претендовала на звание самого тихого места во всей государственной службе. На периферии ежедневно что-то происходило. Шпионы, диверсанты, продажные люди, эмигранты, торговые соглашения и

различные протекции нужным людям... До управления все это доходило в виде слов, ссылок, цифр. За такой бумажной реальностью незаметно поблекли истинные впечатления о сражении Куриты с РикOVERом, о путешествии над Тихим океаном.

На самом деле воспоминания, конечно же, никуда не исчезли. Они затаились, подобно рыси, чтобы в нужный момент вырваться наружу и вспыхнуть где-нибудь там, за пределами слов и цифр.

Эмиссаром надвигающихся изменений стал молодой японский офицер, в парадном мундире, с ножами неизменной самурайской катаны и кожаной кобурой нагана. У эмиссара имелся запечатанный пакет, адресованный полномочному представителю Его Императорского Величества. Таковым во Владивостоке числился действительный тайный советник Платон Эдуардович Несвицкий, под начальством которого Дмитрий работал уже третий год.

– Готов спорить на месячное жалованье, – потрясая пакетом, говорил Платон Эдуардович, – внутри источник больших неприятностей. Я уже немного понимаю японцев и могу угадывать содержимое таких вот писем. По способу, которым они доставляются.

Стоявший в углу, между подоконником и книжным шкафом, Дмитрий предпочел промолчать. Его личный опыт не содержал никаких инструкций, в которых упоминались бы подобные пакеты. Он только и успел, что заметить иероглиф Куриты рядом с печатями.

Платон Эдуардович тем временем небрежно сломал одну за другой все печати, осторожно – как будто нарочно представляя контраст с предыдущим своим поведением – развернул плотную шершавую бумагу и извлек наружу небольшой лист, своими пропорциями напомнивший Дмитрию серпантин.

– Вот дьявольщина! – пробормотал советник, надевая очки в роговой оправе и тщательно вглядываясь в нарисованные кисточкой иероглифы. – И главное – почему? Что известно ему такое, что неизвестно нам?

Тут уже Дмитрий не смог удержаться от любопытствующего взгляда. При желании Воздушная Ловушка могла работать и как невидимое со стороны зеркало. Как раз то, что нужно, чтобы безбоязненно заглядывать через плечо. Японскую письменность он знал слабо – для бумаг на японском при управлении имелся специальный переводчик, – но некоторые иероглифы уже настолько примелькались, что их значение Дмитрий понимал интуитивно.

– Нота протеста.

Платон Эдуардович изучил текст послания и убрал его обратно в конверт. Дмитрий, не успевший расшифровать и трети, вопросительно посмотрел на него.

– Японцы изучили обстоятельства, помешавшие Курите одолеть РикOVERа, – пояснил советник, доставая свободной рукой платок и вытирая пот со лба. – Увиденные нами броненосцы были подбиты с подводной лодки. Зная возможности современной техники и параметры существующих британских субмарин, можно вычислить не только радиус их действия, но и приблизительное место базирования. Именно этим японцы занимались все это время.

Дмитрий попытался сопоставить сказанное Платоном Эдуардовичем с фактом протеста Японии... против чего?

– Нам предстоит перепроверить сделанные ими выводы, – продолжил Платон Эдуардович, высчитывая что-то в уме. Намерения его высокопревосходительства сосредоточивались на этой умственной деятельности, делались нечеткими, как при любой деятельности, требующей строгой логики и рациональности.

– Выводы? – наконец решился спросить Дмитрий. – Какие?

– Неутешительные, – вздохнул Несвицкий. – Прежде всего, для нас. Может быть только три объяснения. Первое: у Британии откуда-то появилась новая подводная лодка, с фантастической автономностью, способная незаметно для лучших в мире психотехников подойти на дистанцию поражения и двумя залпами отправить в утиль пару японских броненосцев. Создать супероружие в обстановке полной секретности довольно сложно, хотя это и не фантастика из

дешевых книжек. Появление такой субмарины в корне меняет расстановку сил. К счастью или к сожалению – это как посмотреть на ситуацию, – наши японские коллеги не верят в супер-лодку. Или делают вид, будто не верят, что более похоже на правду.

Японский менталитет действительно отличался от европейского и даже от классического азиатского типа. Дмитрий признавал за японской нацией способность мыслить своим оригинальным образом, но в случае с дипломатией это создавало немалые осложнения. Предугадать следующий шаг японского представителя мог только такой опытный человек, как Платон Эдуардович. Как ему удавалось делать это без психотехники, оставалось загадкой для Дмитрия.

– Второе объяснение такое: эту подводную лодку встречали в условленных местах и снабжали топливом. Поэтому она проплывает аномально большое расстояние. Это, правда, не объясняет, куда она делась после того, как потопила броненосцы. Единственные британские дирижабли, которые могли доставить ей уголь, – эскадра РикOVERа, но ее передвижения вычислены едва ли не поминутно. Даже если РикOVER каким-то образом доставлял на субмарину уголь, он не мог обеспечить ей возвращение домой. Поисковые дирижабли с психотехниками обшарили все места, где можно было укрыть лодку, и ничего не нашли. Эта версия напрямую не отпадает, но и рассматривать ее в качестве основной мы не можем.

Тут Платон Эдуардович с любопытством посмотрел на подчиненного, затем отложил конверт в сторону и сложил руки на груди. В шестидесятые годы, когда Несвицкий только поступил на государственную службу, считалось, что этот жест снижает вероятность считывания Намерения с человека, не владеющего психотехническими способностями.

– Угадаешь третье возможное объяснение? – улыбнулся он. Очки на несколько миллиметров сползли с его носа, но он не спешил их поправлять.

– Третье объяснение в том, что после сражения субмарину приютили мы? – попробовал догадаться Дмитрий. Применять Намерение он даже не пытался. – А поскольку это является явным нарушением нейтралитета, японские дипломаты требуют объяснений, грозятся санкциями и тому подобными вещами. Так?

– Ближко, но не в яблочко, – признал Несвицкий. – Японцы отчего-то решили, что эта подводная лодка могла быть вообще не британской. Якобы у них есть информация, будто РикOVER пытался уничтожить нашу субмарину незадолго до того, как встретился с «Мусаши Тайхо», истратил на нее весь комплект бомб и только после этого повернул назад.

– Бред! – мгновенно отреагировал Дмитрий. – Простите, пожалуйста, Платон Эдуардович, но это звучит как самый настоящий бред.

– Это звучит как бред, но выглядит как хороший дипломатический маневр, – нахмурился Несвицкий. – Нас вынуждают принять одно из трех решений: признать факт наличия у нас этой подлодки и гарантировать, что она никогда более не направит свои торпеды против военно-морских сил Японии. Поскольку такой субмарины у нас не имеется – этот вариант отпадает. А раз он отпадает, нам предлагается либо присоединиться к поискам субмарины, либо выступить с инициативой принятия конвенции о запрещении подводных лодок с автономией выше определенного в ноте уровня. Лично я рискнул бы присоединиться к поискам, поскольку проект конвенции обязательно вызовет международный резонанс и ухудшит наши, и без того напряженные, отношения с Германией.

– А поиски могут ухудшить отношения с Британской империей... – заметил Дмитрий. – В особенности если это действительно их лодка и они возлагают на нее немалые надежды.

– Тупик, – произнес Платон Эдуардович и добавил еще несколько выражений, исключительно для снятия нервного напряжения.

– Знаешь, Дмитрий, тебе придется отправиться в столицу. Слишком уж ответственное дело нам выпало. Итак, слушай мои распоряжения...

Это место не отмечалось на картах. Даже на военных, содержащих столько секретной информации, что каждый квадратный дюйм тянул минимум на два десятка расстрелов. Конструкторы этого объекта предусмотрели феноменальные меры безопасности. Его создатели работали, не жалея себя. То, что в немногочисленных документах значилось как объект номер «Мнимая единица», считалось военной тюрьмой повышенной секретности, построенной специально для содержания особо изоциренных «психов» противника. Учитывая, что Британская империя уже третий год подряд воевала с японцами, уходящие на содержание объекта суммы никого не удивляли.

Если бы какому-нибудь иностранному суперагенту удалось туда проникнуть, он сильно удивился бы, обнаружив одного-единственного заключенного, да и то чистокровного англичанина. Впрочем, вспоминая о высокой секретности «Мнимой единицы», располагавшийся на объекте англичанин удивился бы ничуть не меньше.

Артура разбудил звон колокольчика. Слишком короткий, чтобы служить указанием подойти к телефонной трубке, следовательно означавший, что по пневмопочте пришло внеочередное письмо.

Внеочередное, следовательно – неприятности. Если позволить себе каламбур – очередные. Тот, кто отправлял контейнер с сообщением, вряд ли догадывался, куда в конечном итоге попадет его письмо. От пятой лунки одного из известнейших полей для гольфа, по желобу до приемной капсулы, которая упаковывает мяч с сообщением и запускает стартовую катапульту. Через неизвестное никому, кроме неизвестно кого, количество километров, поворотов, спусков, повторных разгонов – напрямик в кабинет к человеку, отказавшемуся от имени и фамилии в пользу королевского псевдонима.

«Они послали, а мне выковыривать», – наверное, в сотый раз подумал Артур, вытаскивая мяч для гольфа из транспортного контейнера, капсулу с хитроумным механизмом самоуничтожения из мяча и, наконец, ленту с шифрованным текстом из капсулы. Мало кто мог расколоть этот шифр, ведь над его созданием трудились лучшие криптографы Соединенного Королевства.

Отодвинув стул в сторону, Артур подошел к стоящему в углу шкафу, отпер его висящим на шее ключом и аккуратно положил ленту в верхнее отделение. Вернулся к столику, налил себе рюмку бренди и только после этого приблизился к шкафчику с книгами. Автомат запустился нажатием на корешок невзрачной серой книги – банальность и безвкусица, если хорошенько подумать.

Автомат гудел, пощелкивал чем-то в своих недрах, тихо исступленно трясся над какими-то своими проблемами. Смотреть на него было забавно, но только до тех пор, пока в расшифровываемом документе не возникла срочная потребность.

– Прогресс – это неудобство, помноженное на необходимость, – пробормотал Артур, устраиваясь на рабочем месте. – Когда оба множителя приходят в норму и перестают раздражать человека, прогресс останавливается. К неудовольствию людей, привыкших к неудобствам и необходимости.

Тем временем автомат вошел в рабочий режим и перед обитателем «Мнимой единицы» засветился тусклый матовый экран. По экрану, выходя из правого края, деловито ползла надпись:

«Расшифровано 62% текста. Вывести на монитор?»

– Совсем зрения из-за этих автоматов лишусь, – выдохнул Артур, нащупывая на столешнице кнопку «Yes».

Шкаф за спиной застонал, выдавая секретную информацию конечному пользователю.

Прочитав расшифрованное, Артур незамедлительно встал, подошел к бару и налил себе еще рюмку бренди. Две рюмки на работе – чуть больше, чем положено, но чуть меньше, чем стоило.

Мерлин отозвался сразу же после того, как Артур снял телефонный рожок.

– Плохие новости? – сочувственно прошелестел он. В его психотехническом исполнении любые интонации искажались, голос становился глухим, переставал казаться голосом живого человека.

– Не просто плохие, – пожаловался Артур. – Мой любимый проект, на который я возлагал столько надежд, на который было потрачено несколько вагонов денег, в одночасье превратился в самую крупную из имеющихся у меня проблем. Тот гениальный изобретатель, помнишь, я расхваливал его где-то с месяц назад, – так вот, он сбежал из-под охраны вместе со всеми чертежами и расчетами.

Шкаф расправился с вложенной в него лентой, вывел полный текст на экран и даже как-то притих.

– Тоже мне проблема! Мои «психи» найдут любого человека, где бы ему ни захотелось спрятаться. Ты, очевидно, давно не видел, как действует профессионал стилевидения...

Артур вздрогнул. Перед тем как попасть в «Мнимую единицу», он проходил испытания. Многочисленные экзамены по техническим дисциплинам, тестирование на преданность делу, на отсутствие психотехнических способностей... Об этом времени у Артура остались самые неприятные воспоминания. Экзаменаторы, пользующиеся Мастерством, до сих пор были завсегдаятами его ночных кошмаров.

– Вряд ли твоим «психам» удастся его найти, – возразил он Мерлину. – Точнее сказать, я сомневаюсь, что стилевидение скажет тебе то, что неизвестно мне. Видишь ли, у него имеется рабочая модель. Полноценная рабочая модель в масштабе один к одному. Полностью снаряженная и заправленная по самую пробку. Единственное светлое пятно во всей этой ситуации то, что к японцам мой беглец не присоединится ни при каких обстоятельствах.

– У тебя есть светлые пятна. Это повод порадоваться жизни, – предложил Мерлин из телефонного рожка. – Как говорили древние, жизнь коротка, искусство вечно. В данном случае под искусством я понимаю как привычную мне психотехнику, так и всю твою инженерию. Вернется твой изобретатель, никуда не денется. От меня с земного шарика еще никто не убежал!

– Даже если преследуемый никогда больше не ступит на поверхность планеты? – не удержался от иронии Артур.

– Стоп! – В голосе Мерлина, даже несмотря на искажения, слышалось настоящее профессиональное любопытство. – С этого места подробнее. Отчего ты считаешь, что, разыскивая его, мы обязательно упремся в тупик?

– Я мог бы переслать сохранившиеся материалы по курируемому им проекту, но лучше расскажу самостоятельно, – предложил Артур. – Видишь ли, все началось в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, почти четырнадцать лет назад...

На тренировочной площадке, огороженной трехметровым забором из раскрашенной черно-белыми узорами доски, ветер практически не ощущался. Падали снежинки, успевшие по пути слепиться в причудливые невесомые комочки, поскрипывал иней на ветках, где-то за пределами видимости разговаривал сам с собой дворник Афанасий. В углу, возле будки, рядом с печальной стоической собакой возились воробы.

– Вы хорошо занимались всю неделю, – усмехнулся сэнсэй, привычным движением руки приглаживая массивную рыжую бороду.

Мы исполнили ритуал Малого Поклона, упражнение, которое в первый год моего обучения стало самым ненавистным. Ничего, привык, пообтерся. Человек состоит из привычек – так говорят в народе, а в таких вещах, не требующих немедленного мордобития или пьянства, народ ошибается довольно редко.

Сэнсэю самое место на сцене какого-нибудь театра, паузу он держать любит и умеет. Иногда, когда его рядом нет, позволяю себе подумать о том, что любовь к паузам все же сильнее умения. Незначительно.

На провокацию не поддался никто. Из нашей дюжины каждый помнил о том, что случается с нетерпеливыми учениками. Чьими руками выкрашен забор, отремонтирована полоса препятствий и смонтирована система первоначального тестирования? Правильный ответ будет звучать так: «Не нашими руками, но руками учеников нерадивых и нетерпеливых». Провести черту, отделяющую себя от всех своих отрицательных качеств, – обязанность каждого из нас.

Паузу убил Афанасий. Мастерски, влет убил. Так разрушить весь драматизм умеет, по моему, только он. Этому не научишься – талант нужен.

Дворник появился из-за угла. Появлялся он частями: сначала шелестящая и вздымающаяся только что упавшие снежинки в воздух метла, затем руки в аляповатых красных перчатках и уже под занавес – сам Афанасий, перманентно подвыпивший и небритый. Я краем уха слышал, что в Британии стало модно щеголять с трехдневной щетиной, даже цирюльники спешным порядком изучают какое-то хитрое бритье, от которого щетина выглядит именно трехдневной. Так вот. Афанасий – в этом и только в этом отношении – чрезвычайно моден. Без цирюльников и всякой зауми.

Кое-кто из недавно поступивших не сдержал улыбки, но сэнсэй в этот раз действительно пребывал в благодушном состоянии. Логика подсказывала, что подобное настроение вкупе с уже прозвучавшей оценкой нашей деятельности означает какие-то приятные новости. Как самый старший ученик я знал, что Поликарп Матвеевич и логика не всегда совместимы. Недавно приехавший к нему в гости прошлым летом дзен-буддист остался очень доволен посещением России.

– !... – выдохнул Афанасий, обнаружив на заднем дворе школы всех учеников разом.

Ага. Вот и еще одно ускользнувшее от моего внимания звено головоломки. Обычно сэнсэй делит нас на три группы и занимается с каждой по очереди. Тесноват дворик для дюжины молодых бугаев с мечами и мечтами о славе нескромных масштабов.

– Присаживайся, Афанасий, – вздохнул сэнсэй, оставляя в покое бороду. – Послушаешь вместе со всеми.

Я бы на месте дворника сначала подумал, куда садиться. Ближайшая скамья стояла посреди сугроба, прислонившегося к бане. Афанасий сел прямо на землю. На промерзшую и только что посыпанную сажей землю. Сел и метлу на колени пристроил. Совсем комично, даже в глазах сэнсэя смешинка проявилась. Значит, речь толкнет. Как пить дать.

– Значит, так, ученики мои... – начал Поликарп Матвеевич, кладя шуйцу на рукоять меча, высовывающуюся из-за пояса. – Новости есть. Интересные новости. У нас появится еще один ученик. Лично я, по своему желанию, никого нового брать бы не стал. С вами, оболтусами, не успеваешь как следует разобраться, а тут еще и тринадцатый. Но... меня попросили.

К тому моменту, когда сэнсэй признался, что его попросили, я уже вовсю удивлялся. Тринадцать недаром считается несчастливым числом, и тредекафобия не на пустом месте появилась. Есть что-то во всей этой нумерологии, что не самым лучшим образом взаимодействует с людьми. Считайте меня суеверным, но разве собранная человечеством статистика ни о чем не говорит? А тут еще «попросили». По-моему, удивился даже Афанасий, работавший у сэнсэя задолго до моего поступления в школу.

Поликарп Матвеевич не признавал протекций. Категорически. Ему могли сулить золотые горы, но взять того, кто ему не приглянулся, сэнсэй не согласился бы ни за какие деньги. Старые знакомства? Вероятно. Но стоило ради этого сообщения ставить на уши всю школу да еще перед этим многозначительно упоминать об успехах в обучении?

– Наверное, стоит особо подчеркнуть, что отказать в обучении после высказанной просьбы мне не позволяет честь. Хотелось бы, чтобы вы помнили об этом и с достоинством

перенесли все те неудобства, которые, несомненно, будут иметь место, – оглядев учеников, продолжил Поликарп Матвеевич. – Замечу только, что долго такая ситуация не продлится. Я в курсе того, как вы относитесь к перспективе оказаться в числе тринадцати, а потому принял кое-какие меры.

Мне с самого начала не нравилась эта прелюдия, после же упоминания о «мерах» стало понятно почему. Единственным возможным способом...

– Наш старший ученик, Николай, достоин досрочно сдать экзамены и стать подмастерьем, – объявил Поликарп Матвеевич, разом превращая в реальность все мои мечты и кошмары. – Прощение в Аттестационную комиссию уже отправлено, и дата экзаменов станет известна в ближайшие несколько дней.

На этот раз молчание с нашей стороны получилось естественным – никто просто не знал, как реагировать на такое заявление, а также разрешено ли вообще как-то реагировать. Только дворник Афанасий, внимательно прислушивавшийся к сэнсэю, вскочил на ноги и в два прыжка приблизился ко мне.

– Колян! Поздравляю! – проорал он, пытаясь заключить меня в свои объятия.

А у сэнсэя в глазах хитринка проступила и дыхание выровнялось, точь-в-точь как перед учебным боем. Та еще подсказка...

Обнять себя я, конечно же, не дал. Сделал шаг в сторону и слегка отвел ногу. Для Афанасия хватило и этой примитивной уловки. Споткнувшись, он влетел головой напрямик в сугроб. Моментально оживился и залаял сторожевой пес, разлетелись во все стороны осторожные, уже привыкшие к нашей жизни воробьи. Я оглядываюсь на упавшего дворника...

...и едва не пропускаю выпад сэнсэя. Он с фантастической быстротой выхватывает меч и направляет острие в мою сторону.

Стоп-кадр.

Снежинки словно взбутовались. На Стоп-кадре этого, конечно, не видно, но как еще объяснить многочисленные снежные «хвосты», сходящиеся со всех сторон в одну точку. В ту самую точку, куда направлена человеческая воля, куда сэнсэй поместил центр психотехнического фокуса под названием Воздушная Ловушка. Используя собственную кинетическую энергию снежинок, Поликарп Матвеевич лепил шар. Идеальный снежный шар, к которому не прикасалась человеческая рука. К которому вообще никто еще не прикасался. Вообще-то я тоже так умею, только мне сначала надо отрешиться от окружающего мира, сосредоточиться и вытянуть в сторону руку с вольтом. Сэнсэй делает то же самое играючи, не прекращая улыбаться. На то он и сэнсэй.

И вот летит в мою сторону это психотехническое чудо из нетронутого снега, а я смотрю на него, на сэнсэя и понимаю, что мои товарищи вошли во двор еще с одной целью – проверить меня перед экзаменами.

Каким-то чудом я успел выхватить из-за пояса ученический вольт и даже отбил посланный в мою сторону снаряд. Один из снарядов. Мои сотоварищи уловили Намерение сэнсэя и немедленно встали на его сторону. Лепить снежки из воздуха никто из них не умел, но этого и не требовалось. Меня забросали теми, которые делались вручную.

Вы никогда не пытались защититься от града снежков с помощью ученического вольта, тупого, пустотелого и неуклюжего? Даже если попадешь по снежку и разобьешь его вдребезги – все равно окажешься с ног до головы в снежном крошеве. Когда я таким манером отбил с дюжину снежков, оказалось, что сэнсэй нахмурился. А если сэнсэй хмурится – значит, я что-то делаю не так. Железное правило.

Пришлось задуматься, благо сотоварищи уже разошлись и половина изготовленных ими снарядов уходила на перестрелку друг с другом.

Я – старший ученик сэнсэя. Он учит меня тому, что в университете называют психотехникой, а в народе – Мастерством. Да, владение мечом – составная часть Мастерства, но не основная же! С тем же успехом я мог учиться фехтованию. Сэнсэй ничего не делает зря. Досрочные экзамены... да!

Сформировать Воздушную Ловушку под обстрелом и внимательным взглядом сэнсэя непросто. Не пропустить при этом ни одного снежка – очень непросто. Разумеется, я не справился. Никто из наших не справился бы.

Два снежка пропустил, один из которых от мстительного Афанасия, наконец-то сообразившего, каким образом можно на мне отыгаться.

Если кто не в курсе, Воздушная Ловушка – это созданная силой воли и внимания локальная область повышенного или пониженного давления. Разумеется, если ее не поддерживать – возникнет ветер, давление сравняется, а Ловушка исчезнет. Иногда целью создания Воздушной Ловушки как раз и является ветер, иногда полезнее иметь под рукой область с альтернативным давлением – особенно если оно существенно отличается от атмосферного.

Разбить запущенный с силой снежок моя Ловушка не могла – не хватало умения, зато с отклонением в сторону справлялась запросто. Успевай только сообразить, куда надо переместить ее да как развернуть, а уж энергетической поддержкой организм займется сам, на условных рефлексах. Полезным побочным эффектом от Воздушной Ловушки стало отсутствие снежной крошки, попадавшей на одежду и моментально таявшей. Все крошево моя психотехническая защита живописно разбрасывала в разные стороны – я даже пожалел, что не подготовил какого-нибудь эффектного трюка с этими крохотными комочками снега.

Краем глаза увидел, как улыбается сэнсэй. Как Пашка пытается с помощью своей Воздушной Ловушки развеять мою, но не удерживает необходимую концентрацию и создает воздушный поток, превращающий его в подобие снеговика.

А затем все прекратилось. Разом. Потому что где-то сбоку мякнула пожилая школьная кошка по имени Кассиопея да по ту сторону забора, словно дожидаясь этого, призывно засвистел паромобиль.

На дорогу от аэродрома до школы, в которой ей предстояло завершить обязательный курс, Ксения отвела десять минут. По карте, которую она разыскала среди вещей отца, можно было добраться и пешком, но не оставлять ведь багаж в камере хранения Мальтийского вокзала? Пришлось договариваться с машинистом дежурного паромобиля, загружать в салон многочисленные чемоданы и картонки, а затем тоскливо вглядываться в замороженное окно – не сбились ли с пути, не заехали ли в канаву?

Мобиль противно вибрировал, подвывал на поворотах, водитель фальшиво насвистывал популярную мелодию, которую Ксения возненавидела еще в салоне пассажирского дирижабля. Настроение уныло болталось в опасной близости от той грани, за которой начинается депрессия.

А ведь мне страшно, нашла в себе силы признать Ксения. Банальный страх перед неизвестностью или пробуждающееся психотехническое предчувствие? Что страшнее – пугающий своими возможностями талант или чувство, навсегда блокирующее дорогу к этому таланту? Мобиль еще раз тряхнуло, одна из шляпных коробок сползла с места и постаралась укатиться к двери. Ксения поймала ее кончиком вольта.

Вольт. Слабое подобие того оружия, которое она получит, став сначала подмастерьем, а затем и полным мастером. Скорее забавная игрушка, которой только детишек малых пугать. Могущественная игрушка, открывающая пути истечения вовне той силе, использование которой и называют Мастерством.

Девушка вынула вольт из чехла, критически осмотрела лезвие, протерла его специальным платком. Приехали?

Нет, еще не приехали. Мобиль отчаянно вспахивал сугробы, урчал, покачивался на рессорах. Благодаря расположенному за стеной паровому двигателю в салоне было довольно тепло.

– К Поликарпу Матвеевичу, значит, едете? – задумчиво осведомился водила, начисто забывая о том, что четверть часа назад уже расспрашивал барышню о конечной цели пути. Водиле хотелось поговорить по душам, похвастаться родными местами да и просто услышать голос молодой пассажирки. – Норовитый, говорят, человек, даром что по соседству с Университетом свою школу открыл. Другой бы на его месте прикупил бы землицы поближе к Петербургу и отбою от желающих учиться не знал. А он упрямец, чистой воды упрямец! Только открою вам как на духу – не берет он никого женского полу в обучение. Говорит, не женское это дело железками размахивать...

Ксения прикрыла глаза левой рукой, сделала несколько вдохов-выдохов и заткнула водителю рот. Самой обыкновенной Воздушной Ловушкой, служащей скорее предостережением, нежели серьезной угрозой.

– А... о... прошу прощения, – прохрипел водитель, восстанавливая сбившееся дыхание. – Значит, по делу, так понимаю, едете. По важному. Меч вон свой приготовили. Михей все понимает. Домчим быстрее ветра. Ей-богу!

Удивительно, но после этого случая мобиль действительно поехал быстрее. Михей ловко ворочал рычагами, сопел, кряхтел и вообще всячески создавал впечатление, будто машина не на пару двигается, а исключительно его усилиями. Подобное скоморошное бурлачество завершилось меньше чем через минуту. Мобиль едва не уткнулся носом в дощатый забор, лихо развернулся и дал короткий гудок.

– Вот видите, доехали с ветерком, – улыбнулся водитель. – Приехали.

По ту сторону забора стояли люди. Не меньше десятка людей мужского пола, все активные «психи» на разных ступенях обучения. Ксения ощущала их присутствие настолько ясно, что, казалось, видела, как растеряны самые младшие, как закладывают за пояс свои вольты старшие, как Поликарп Матвеевич указывает рукой на запертую калитку – мол, через нее будет удобнее заносить вещи.

«Ксения, тебе с этими людьми жить под одной крышей как минимум целый год, – напомнила она себе. – Привыкай к их Намерениям, глядывайся в их Стиль, будь предельно осторожна со своими возможностями, особенно с теми, которые только начинают проявляться».

На калитке скопилось немало снега, его хвастливо смахнули при помощи Воздушной Ловушки. Ксения постаралась поймать отпечаток Стиля, но в калитку уже протискивался мужчина с настоящим, полноценным мечом. За восемь лет, прошедших с последней встречи, дядя Поликарп практически не изменился. Прибавилось немного морщин, стала гуще знаменитая рыжая борода, но в сущности ничего не исчезло. Часть опасений, припасенных специально для этого часа, рассеялась без следа. Воспоминания не обманули – маленькая приятная неожиданность: все оказалось именно таким, каким было в детстве.

– Господи! Ксения! Тебя не узнать! – приветливо распахнул объятия Поликарп Матвеевич. – Красавица! Хоть картины с тебя пиши... А я-то грешным делом думал, что ты через Петербург поедешь, в столицу заглянешь. Думал, вечером, как фонари зажигать станем, так и появишься. Сейчас я своих оболтусов попрошу вещи в дом затащить, Оксана самовар поставит...

Его монолог перетекал от одной темы к другой, то и дело перемежался замечаниями о том, как летит время, как велика матушка-Русь, и о том, что надо чаще навещать старых друзей.

Ксения позволила дяде отвести себя в дом, оставив багаж на совести дядиных учеников и моментально залезшего по пояс в двигательный отсек Михея.

Самовар закипел в считанные секунды – стоило только дяде театрально постучать по крану рукоятью своего меча. Оксана, оказавшаяся старшей служанкой в доме, принесла бара-

нок, новомодных столичных сладостей и домашних пирожков с пылу с жару. Чувствовалось – говоря о том, что ждет ее только к вечеру, Поликарп Матвеевич покривил душой.

– Рассказывай, – накормив и напоив гостью, попросил он. – О том, что случилось на Амуре, я уже знаю. Один мой товарищ, тоже военный, вовремя написал письмо. Как знал, что мне надо об этом сообщить. Так что переходи сразу к деталям. Как отец, что с братьями, со школой...

Ксения подавила в себе желание разрыдаться и сжала под столом уложенный на колени вольт:

– Я не в курсе, что написал вам ваш товарищ, но выглядело это просто ужасно. Японцы переправили через реку диверсионный отряд, и те вырезали четыре пограничные заставы. Гарнизон спохватился только после того, как пришло время перемигиваться гелиографом, то есть уже утром. Разумеется, выслали патрули, подняли по тревоге броненосцы, но так никого на нашем берегу и не поймали. Специалист по стилевидению отпечатки собрал, но толку от них? Поймать диверсантов с помощью стилевидения в наше время практически невозможно. Андрей в ту ночь заступил часовым – его нашли сразу, а вот Константин все еще считается пропавшим без вести. У матери есть надежда, что его взяли в плен, уж и не знаю даже с какими целями. Если это провокация, то пленные не нужны, а если он все-таки в плену – то зачем? Конечно, маме мы ничего такого не говорим: пусть уж лучше думает, что сын в плену у японцев – благо они с пленными вроде как неплохо обходятся.

Поликарп Матвеевич сочувственно нахмурился. В число его товарищей, с которыми он регулярно переписывался, входили и японские самураи-психотехники. Представить себе хоть кого-нибудь из них совершающим коварную ночную вылазку в пограничный городок, да еще не с разведывательными целями, а чтобы вырезать всех подряд, было затруднительно. Да и невыгодно было бы Японии заполучить войну на два фронта – с Британией и Россией сразу. Придется упомянуть об этом случае в ближайшем письме к господину Асикаге.

Ощущая исходящее от дяди Поликарпа замешательство, Ксения осторожно погладила лезвие вольта. После сладкого чая и короткого рассказа о судьбе братьев на грани естественных и психотехнических ощущений появилось что-то странное. Что-то похожее на запоздалое предчувствие. Именно так. Парадоксальное, с легкой эмоциональной щербинкой, манящее и пугающее, неотвратимое. Должно быть, что-то в этом роде испытывала героиня ее любимой книги, перед тем как бросилась в погоню за белым кроликом.

– Значит, тебя отправили ко мне, – постарался сменить тему Поликарп Матвеевич. – Рекомендательное письмо от твоего отца – не от сэнсэя – пришло два дня назад. Ты специализируешься немного не по моей части, но на последнем ученическом курсе это уже не страшно. А вот Воздушную Ловушку мы тебе натренируем. То, чем ты Михея осадил, только в этом качестве и годится. По тем возможностям, которыми я не располагаю, ты всегда сможешь получить консультацию в нашем Университете. Профессор Воронин, мой хороший знакомый, заведует кафедрой прикладной футуроскопии. Между прочим, он намекал на твой приезд еще осенью.

О господи! Старательно изничтожаемое чувство вины накатило с новой силой. Если бы она была чуть старше... если бы успела овладеть своим талантом до того, как братья отправились на злополучное дежурство. Ох уж это сослагательное наклонение. Половина всех бед в мире от тебя...

– Не казни себя, – постарался успокоить ее Поликарп Матвеевич.

Мастеру психотехники, поднаторевшему в Намерении, угадать ее горе было нетрудно. Да и достижение «невозмутимости духа», столь необходимое в Мастерстве, не давалось Ксении так качественно, как порою хотелось. – Ты ни в чем не виновата. Твой редкий дар послан тебе в качестве испытания, равно как и всем нам. По тяжести дара мы узнаем о любви Бога к нашей

душе. Завтра мы с тобой обязательно ходим в церковь, а сейчас тебе надо будет устроиться, вещи распаковать, к тренажерам нашим приглядеться, с ребятами познакомиться.

Странное чувство усилилось, полезло наружу. Как будто стало щекотно душе – легкость, идущий изнутри озноб. Ксения побледнела и вцепилась в спасительный вольт обеими руками.

– Поликарп Матвеевич, – сказал кто-то за спиной, судя по всему, не отходя от порога. – Мы все вещи перенесли на второй этаж, как нам и велели.

– Спасибо, Николай, – улыбнулся мастер-психотехник. – Я хотел бы поговорить с тобой сразу после того, как разрешим все вопросы с нашей новой ученицей. Ты ведь будешь в тренировочном зале?

Ксения обернулась и увидела в трех шагах от себя классического «психа»-ученика: грубая свободная одежда, широкий пояс с торчащим из-под руки вольтом, перевязанные главо-тяжцем каштановые волосы. Казалось, рисунок с такой ориентировкой в полицейское управление, и к вечеру тебе отыщут, по меньшей мере, дюжину подходящих. И все же...

Мир перевернулся.

II

Плотные шторы в кабинете Поликарпа Матвеевича яркого солнечного света не пропускали, а потому все освещение ограничивалось одним-единственным подсвечником с пяти вписанных в пентаграмму свечах. Над погасшим камином тикали часы. Кукушка, только что сообщившая о наступлении трех часов пополудни, отдыхала за резной створкой.

Хозяин кабинета деловито расхаживал по диагонали – от массивного, заваленного бумагами стола до книжного шкафа, на котором от пола до потолка теснились труды известнейших теоретиков психотехники. Взгляд Николая, вставшего в двух шагах от двери, различал фамилии Шрёдингера, Резерфорда, Гейгера. В коллекции сэнсэя имелось немало первоизданий, на которые можно было любоваться часами. К сожалению, только любоваться, поскольку смысл безнадежно ускользал от Николая после двух-трех с грехом пополам усвоенных абзацев.

– Мне хотелось бы, чтобы этот разговор состоялся при иных обстоятельствах, – вздохнул Поликарп Матвеевич, завершая третий круг и останавливаясь чуть сбоку от стола. Чашечкообразная гарда его меча замерла в миллиметрах от угла столешницы, не задевая ее разве что чудом. – Ты талантливый ученик, один из самых одаренных моих учеников. Я планировал отдать тебя в подмастерья этой весной, присмотрел тебе нескольких мастеров-наставников из числа своих знакомых, чтобы была возможность приглядеться друг к другу, притереться, так сказать... Футуроскопия никогда не числилась среди моих талантов, предвидеть приезд Ксении не мог никто из нас. Да, Воронин что-то говорил, но он вообще много чего говорит, я и не подумал внимательно прислушаться к его словам. Это целиком и полностью моя вина, но сейчас речь не об этом.

Николай поймал взгляд сэнсэя, как обычно внимательный и спокойный. Прочь догадки, рациональные предположения... пусть Намерение покажет все, на что способно.

– Ты, разумеется, справишься со всеми экзаменами, – выдержав столь любимую паузу, продолжил Поликарп Матвеевич. – С ними даже Пашка справится, хотя ему еще до осени тренироваться надо, чтобы толк из парня вышел. Весь вопрос таким образом сводится только к одному – тебе нужен мастер-наставник.

Николай, стараясь не нарушать концентрации, осторожно кивнул. Намерение тихо шевелилось где-то в затылочной части мозга. Ощущения, исключительно ощущения без малейшей вербальной подсказки. Хотя зачем подсказка, если ситуация и без любительского применения психотехники совершенно понятна?

Для дальнейшего обучения необходим мастер-наставник, только где его найти в такой спешке? Иерархия психотехников образовалась в недрах Мальтийского ордена, испытывалась две сотни лет и все же сохранилась без серьезных изменений. Подмастерьев намного меньше, чем учеников, но приблизительно во столько же раз больше, чем мастеров. А если вспомнить, что многие мастера вообще не придерживаются Канона и не берут напарников, проблема проявляется во всей полноте. Ученикам частных школ, таких как у Поликарпа Матвеевича, мастеров-наставников подыскивали по знакомству сами преподаватели, зачастую из числа своих же воспитанников. До весны еще четверть года – не придется ли терять время, ожидая, пока освободится подходящий человек?

– Я писал о тебе Станиславу Ларионову, он учился здесь за девять лет до тебя, а сейчас служит на русско-османской границе. – Поликарп Матвеевич вытащил из стопки писем, едва ли не наугад, конверт из плотной бумаги.

«Не срослось», – подсказало Намерение. Подобный аврал смешал все планы сэнсэя, а заодно наотмашь ударил и по Николаю.

– Он мог бы взять тебя напарником, но не раньше августа, – задумчиво пробормотал Поликарп Матвеевич. – Терять полгода, причем в том возрасте, когда динамика развития

таланта идет стремительнее всего, – непозволительно. А потому я стал искать другие варианты. Более того, я их нашел.

Сэнсэй всегда отличался точностью формулировок, вспомнил Николай. Если он говорит «варианты», вместо «вариант», следовательно, у меня появляется выбор. Феноменально! Многие подмастерья вынуждены идти к тому наставнику, который соглашается их принять, или вообще отказываются от дальнейшего обучения – а тут сразу несколько вариантов...

– Максимилиан Нордберг, мой хороший товарищ, ознакомился с твоей характеристикой и счел, что может сделать из тебя мастера. – Поликарп Матвеевич обошел стол, залез в один из выдвижных ящиков и вытащил оттуда объемистую папку бордового цвета. – Максимилиан работает в банковском доме «Панкратов и сыновья» и занимает высокий пост в совете директоров.

В этом месте выдержка изменила Николаю, концентрация сбилась, Намерение рассыпалось на ряд отдельных косвенных впечатлений. Сэнсэй, разумеется обративший на это внимание, сделал вид, будто ничего не произошло.

– Если честно, этот вариант я рассматривал только в качестве запасного, – признался он, задумчиво взвесив папку на ладони. – Мне казалось, что ты предпочтешь получить место на воздушном флоте, благо с умением использовать Воздушную Ловушку у тебя все в порядке, а там на первых порах больше ничего и не понадобится.

Воздушный флот! Детские мечты каждого подростка, хоть раз в жизни видевшего, как величаво проплывают по небу «Цепелины», «Циолковские», «Моргенштерны» и «Мастер Эйры».

– Есть, правда, в этом назначении и ложка дегтя. – Голос сэнсэя вернул Николая к реальности. – Дело в том, что Захар работает на дальневосточных торговых линиях, перевозит грузы из Сибири в Аляску и наоборот. Далеко, ничего не поделаешь, но тоже не глушь какая-нибудь. Тут и Америка рядом, и японские острова.

«И ведущаяся уже четвертый год подряд война», – мысленно пополнил список Николай.

– Ты прав, – отвечая на невысказанные вслух мысли, произнес Поликарп Матвеевич, убирая папку на место. – Там действительно идет британо-японская война. Но Россия в ней не участвует, более того, русские представители являются своеобразными посредниками во всех британо-японских переговорах и пользуются уважением у каждой из воюющих сторон. Посылать тебя, только-только получившего настоящий меч, против английских танков или против самураев было бы чистой водой безумием. Хотя, если ты полагаешь, что нейтралитет Российской империи не защитит тебя от всех этих опасностей, можешь избрать вариант с Нордбергом. Его филиал располагается в Москве, всего в сутках пути от школы.

– Сибирь, – выдохнул Николай, покидая свое место у двери. – Вам известны мои вкусы, сэнсэй, а потому я больше чем уверен, что Захар...

– Захар Степанович Малышев, – подсказал Поликарп Матвеевич.

– ...что Захар Степанович уже в пути и мы вскоре с ним встретимся, – высказал предположение Николай.

– Не угадал, – позволил себе улыбнуться мастер-психотехник. – С Захаром я тоже договаривался на весну. Раньше он к нам выбраться не может, у него очень строгий график рейсов. Зато послать тебя к нему школа в состоянии. Соберем, на аэродром проводим, на дирижабль посадим, а там тебя уже встретят. Полетишь, между прочим, тоже не один. В Университете после рождественских каникул сразу несколько учеников сдают такие же экзамены, после которых полетят домой. На мой взгляд, вышло неплохо. Тебе так не кажется?

Поскольку вопрос был обращен к Николаю, он осмелился ответить:

– Все пока что получается наилучшим образом. Непонятно только, отчего все эти перестановки, перемещения, ученица ваша новая... Вы, Поликарп Матвеевич, начали во дворе объяснять, но, сдаётся мне, так и не закончили.

– Старший ученик... – то ли вздохнул, то ли тихо похвалил сэнсэй. – Ничего не скроешь, вовремя я от тебя избавляться надумал. Но раз уж догадался, слушай. Только чур никому! Ксения – дочь друга моих родителей. Они профессиональные военные. Отец танки кочегарил раньше, а сейчас выбился в интенданты. Мать руководит школой для детей. Там довольно много военных с женами и детьми. Сейчас, наверное, станет меньше. Пару дней назад на границе вырезали несколько пограничных постов. У Ксении убили одного из братьев, судьба второго до сих пор неизвестна. Преподавателя, обучавшего ее начальной психотехнике, вообще довели до идиотизма. Он теперь ничего не помнит, всего боится, поседел и заикается. Вот отец и попросил меня приютить дочку.

– Значит, Россия в войне не участвует? – пробормотал Николай. До него доходили слухи, будто на Дальнем Востоке все не слава богу, но пограничные конфликты? Об этом в столичных газетах отчего-то предпочитали не писать.

– Там все очень не просто, – покачал головой Поликарп Матвеевич, усаживаясь в рабочее кресло и раскручивая указательным пальцем стоящий на столе глобус. – И Британия, и Япония хотят союза с Россией. Лучший способ заставить императора отказаться от нейтралитета – организовать шумиху вокруг всевозможных пограничных конфликтов. В этом случае Александру Пятому, чтобы сохранить авторитет, придется встать на чью-либо сторону. Представляешь, что это будет за война?

Николай зажмурился, для полного сосредоточения положил руку на вольт и постарался представить. Оба варианта.

Война с Британской империей, раскинувшейся на половину земного шара, лидером в области паровых технологий, не сулила ничего хорошего. Прежде всего, конечно, начнутся бои на Аляске, затем активизируется старый средиземноморский союзник англичан – Османская империя, а в Балтийское море войдет британский флот. Войны на два фронта Россия долго не выдержит. Даже с одной только экономической точки зрения.

Перспективы воевать против Японии были немногим радужнее. Японская империя контролировала Китай, Тибет, Монголию и большую часть Океании. С техникой у самураев было негусто, но многомиллионная армия китайцев и лучшие боевые психотехники с лихвой компенсировали этот недостаток. Выступив на стороне англичан, Россия сразу же потеряла Корею, Тихоокеанское побережье и прямой доступ к Аляске, а также с известной долей уверенности ввязывалась в войну с европейской союзницей японцев – Священной Римской империей... Вот вам и объяснение, отчего газетчики не ухватились за столь сенсационный материал. Только нейтралитет мог способствовать сохранению мира, может, не самого прочного, но спасительного для России.

– На самом деле никакой серьезной опасности для державы нет, – успокоил ученика Поликарп Матвеевич, перебирая бумаги на столе. – Война длится уже четыре года. Даже если бы у какой-то из сторон были намерения открыть второй фронт, рассматривать такой вариант сейчас решится только безумец. Тот, кто ввяжется в войну на два фронта, неизбежно будет разгромлен. Об этом прошлой осенью писали германские исторические журналы, у профессора Воронина есть экземпляр. А вот и он!

На свет появился обернутый газетой журнал, изрядно потрепанный, с вываливающимися страницами.

– Дирижабли в Якутск отправляются по четвергам, – пробормотал сэнсэй, без предупреждения меняя тему. – Можно, разумеется, добираться на перекладных, через Пермь, но полтора дня выигрыша не стоят трудов. В Якутске тебя встретит Малышев. У его дирижабля в этом городе порт приписки и ремонтная база. Сегодня суббота, следовательно, у тебя четыре с лишним дня на сборы и подготовку. Вопросы есть или появятся?

– Скорее, появятся, – признался Николай. – Сейчас даже трудно сообразить, о чем спрашивать, а что понятно и без вопросов.

– Как появятся, придешь и спросишь, – кивнул сэнсэй. – А сейчас мне нужно потратить час-полтора на бумажную работу. Ученицу надо официально зарегистрировать в Департаменте психотехники, а это добрый фунт заявлений.

Если бы кошки испытывали необходимость в титулах или еще какой-либо официальной иерархии, то Кассиопею величали бы Ведущей Наблюдение. Вот уже семнадцать лет она жила при психотехнической школе Архипова, и в этих стенах не существовало ни одного секрета, который был бы ей неведом. Впрочем, Кассиопеей кошку уже давно никто не называл – официальное имя оказалось слишком помпезным, и постоянные обитатели школы, должно быть, уже давно забыли о том, что старенькая домашняя Кася на самом деле носит имя эфиопской царицы.

О прибытии гостя Кася узнала еще вчера. В ее присутствии Поликарп Матвеевич отдавал распоряжения: подготовить комнату для долгосрочного проживания девушки, проветрить, тщательно протопить ее на ночь. Человеческую речь Кася не понимала – в ней было слишком много ненужных слов, но Намерения сэнсэя говорили красноречивее, а способность к чтению Намерений пробудилась в Касе задолго до того, как у нее открылись глаза.

Оторвавшись от блюда с молоком, Кася повернула голову в сторону двери. Недавно приехавшая девушка осторожно спускалась по лестнице. Девушку звали Ксенией – это имя Касе нравилось, в нем присутствовал звук «кс». Наверняка девушке казалось, что она действует бесшумно и незаметно. Кася полюбовалась на осторожные плавные движения, на комбинацию из Воздушных Ловушек, предупреждавших скрип незнакомых еще ступеней. К коридору, ведущему в тренировочный зал, следовало прибыть раньше Ксении.

Растянув субъективное время, кошка допила молоко и неторопливо пошла к месту запланированной встречи.

Переодевшись в тренировочный костюм и собрав каштановые волосы в тугий хвост, Ксения решилась выйти за пределы своей комнаты. В коридоре, как и следовало ожидать, не оказалось ни души. Остальные ученики жили в отдельном одноэтажном крыле, ее же разместили на втором этаже хозяйской стороны, в гостевых апартаментах. Тихо прокраившись к лестнице, Ксения осторожно заглянула вниз.

Школа Поликарпа Матвеевича жила своей жизнью. Откуда-то, судя по всему, из тренировочного зала, раздавалось деловитое хэканье младших учеников, из хозяйственных помещений вкусно пахло. В них же немилосердно гремела посуда: готовился обед.

Никто не поджидал ее внизу, не готовился к ее появлению. Собственно, ничего другого Ксения и не ожидала – отец перед посадкой на дирижабль вкратце описал мариенбургские порядки, и она заранее согласилась с их разумностью и уместностью.

Воспользовавшись Мастерством, Ксения бесшумно спустилась на первый этаж. Ребячество, конечно, но уж очень хотелось проверить себя перед тем, как показывать, на что ты способна, сэнсэю. Не только сэнсэю, но и всем прочим обитающим в школе «психам». Мысль о возможных ошибках, на которые обратят внимание будущие соученики, заставляла собраться с духом. «Все должно пройти безупречно», – сказала себе Ксения, сворачивая в коридор.

В коридоре первого этажа прибиралась Оксана. Швабра с намотанной на нее тряпкой скользила по дощатому полу, обмахивала плинтус, проглаживала пороги комнат. На девушку служанка даже не посмотрела: то ли была так увлечена уборкой, то ли имела соответствующие указания от хозяина. Зато сопровождавшая Оксану кошка остановилась и заинтересованно осмотрела Ксению. Памятуя о том, что кошки являются единственными животными, освоившими психотехнику, девушка почтительно поклонилась, чем заслужила удовлетворенное урчание в свой адрес.

Более по пути к тренировочному залу ее никто не тревожил. Дверь в зал, тяжелая, оббитая темно-синим сукном, была закрыта, но из щели под нею пробивался характерный психотехнический сквозняк.

– Заходи, – сформировался в пространстве около ее уха голос Поликарпа Матвеевича. – Разомнешься, а заодно посмотришь, кто чего здесь стоит.

За дверью обнаружилось просторное помещение, в котором синхронно передвигались дюжина учеников. Шаг, поворот плеча, размашистое движение рукой, взмах вольта – остановка. Новый шаг, поворот в другую сторону и обратный прием, при котором вольт горизонтально останавливается в семи дюймах от твоей груди. Шаг – атака, шаг – защита. Ксения была знакома с этим приемом, но никогда не видела, чтобы его превращали в подобие танца. Восемь шагов в одну сторону, разворот, восемь шагов в другую сторону. Поликарп Матвеевич с довольным видом смотрит на ее изумление. Похвастался учениками, представил свою школу в лучшем свете. Теперь, очевидно, ее очередь.

Предстартовые упражнения по раскатке дыхания Ксения проделала, когда спускалась по лестнице, и теперь была довольна своей предусмотрительностью. Демонстрируемый ею набор приемов требовал рваного ритма и одной Воздушной Ловушки для стабилизации дыхания по окончании. Вольт взлетел вверх, скользнул по плечу ближайшего ученика, снова взмыл в воздух. Намерение Ксении, яркое и четкое, распространялось по тренировочному залу как круги по воде. Она успела запятнать троих самых младших учеников, прежде чем остальные начали движение. Еще двоих удалось коснуться за счет набранной скорости. Остальные рассыпались в стороны и заняли оборонительную позицию. Ксения позволила себе сделать глубокий вдох, после чего выбрала пару соперников и послала в их сторону серию Воздушных Ловушек. За спиной кто-то постарался перейти в атаку, но Ксения уже расшифровала накотившееся Намерение и приняла меры.

Поликарп Матвеевич улыбнулся, с довольным видом почесал бороду и лениво полез за пояс – доставать свой меч.

Тем временем Ксения подскочила к выбранным соперникам. Косой взмах вольта снизу и слева развеял волну исходящего от девушки Намерения. Пришедшая в замешательство пара так и не была атакована – вместо них Ксения поразила двоих соседних парней, едва ли не близнецов. Одного из низкого выпада совмещенного с уклонением от встречной атаки, другого – в вычурном прыжке, подсмотренном у пограничников.

Поликарп Матвеевич сделал жест, и попавшие под вольт отступили к окну.

Из оставшейся пятерки особо выделялся Николай: он забрасывал пространство перед собой множеством Воздушных Ловушек. Ловушки были недолговечны, большинство из них распадалось, пролетев половину пути, но и оставшиеся, подобно мыльным пузырям, лопались от столкновения с вольтом Ксении.

Девушка сделала ложный рывок влево, повторно рассекла Намерение, рванулась вправо и сократила количество противников до трех, очевидно самых старших и опытных.

Отступив за широкую спину Николая, двое учеников сгруппировались и синхронизировали свои Намерения. Ксения представила себя глядящей на поединок со стороны и попыталась угадать, что же они задумали. Николай, как выяснилось, довольно ловко скрыл Намерения товарищей веерообразным комплексом атак в никуда.

– Я должна показать все, на что способна, а не побеждать любой ценой, – напомнила себе Ксения. – А способна я, ко всему прочему...

Футуроскопия, зачатки которой периодически проявлялись сами собой, вырвалась наружу, влекомая азартом и тем, что мастера психотехники называли «боевым любопытством». Настоящее сразу стало похоже на воспоминание, преломилось и создало подобие витража, каждое «стеклышко» которого представляло собой отдельный пучок вариантов развития.

Николай пошел в атаку, девять фрагментов будущего превратились в семь, в четыре... Ксения заблокировала его вольт своим и ловко увернулась от сдвоенной Воздушной Ловушки, которую успели приготовить оставшиеся в арьергарде. Два варианта, один. Выбранное Ксенией будущее состоялось, путь к готовящим повторный залп ученикам на секунду освободился, и девушка бросилась вперед. Ее пытались остановить, но она заранее знала, каким приемом это сделают, и без труда уклонилась от выпада Николая. Футуроскопическая способность угадала, однако в поединке с двумя противниками Ксения обошлась и без нее. Переход от формирования боевых Воздушных Ловушек к фехтованию всегда отнимает какое-то время, даже у мастеров психотехники. Сейчас именно это запоздание позволило Ксении задеть вольтом сначала кисть одного, затем плечо другого. Чиркнув по тренировочному костюму, вольт, практически не останавливаясь, продолжил дугу. Энергия движения развернула Ксению лицом к лицу с подоспевшим Николаем. Один на один!

Теперь девушке пришлось отступать. Старший ученик умело загонял ее в угол чередованием выпадов и обманных приемов. Разбрасываемые им Воздушные Ловушки отвлекали внимание, мешали сконцентрироваться и повторить трюк с предвидением. Ксения пыталась вернуть ушедшее состояние, но молниеносные атаки Николая заставляли концентрировать все внимание на обороне.

О том, чтобы читать исходящее от юноши Намерение, не было и речи – возмущения от его атак перемешивали все эманации, превращали их в кашу, в фоновое психотехническое излучение поединка.

Предвидение пришло неожиданно, незванным гостем. Ксения как раз переходила в контратаку...

Стоп-кадр.

Палуба воздушного корабля наклонена, решетка, удерживающая предметы от падения вниз, деформирована. Газовая секция, нависающая над головой, пробита и медленно провисает на поддерживающих ее канатах. Газ стремительно покидает камеру, даже аварийные насосы не в состоянии его сохранить.

Офицер в форме корабельного «психа», преодолевая подъем, подкатывает тележку с глубинной бомбой к верхнему краю палубы и тщетно пытается зафиксировать бомбу в центре люка. Наклон мешает ему, бомба то и дело задевает ограничители, но пока еще это допустимо.

– Поражено шесть секций из восьми! – докладывает кто-то из-за спины. – Количества имеющегося газа недостаточно, чтобы сохранять высоту! Мы падаем!

– Без паники, – слышишь ты слова командира. – Закачиваем весь газ в резервные камеры. Оставшиеся секции наполнить воздухом и разогреть. Этого хватит для того, чтобы вернуться домой...

...когда совершенно не относящаяся к ней картинка проникла в мозг и завладела ее вниманием. Вольт бестолково вильнул в сторону, оставляя Ксению без защиты, нога подвернулась, точка опоры ушла вбок. Николай подхватил падающую девушку у самого пола.

Наш маленький бой произвел на сэнсэя впечатление. Глубокое впечатление, оставляющее следы на всей последующей учебной программе, только вот меня это больше не касалось. Мне предстояло готовиться к экзаменам на звание подмастерья.

Младших учеников, только приступивших к тренировкам с вольтом, Поликарп Матвеевич пощадил. Зато не пощадил Пашку и Бориса, которых я прикрывал корпусом и которые слишком увлеклись своими Ловушками. Когда список дополнительных занятий составил, выяснилось, что заниматься мне и успевшей прийти в сознание Ксении не придется.

– Вам обоим надо отдохнуть, – объяснил сэнсэй. – Одной – после перелета, чтобы к местному воздуху и климату привыкнуть. Другому – чтобы голову ненужной и бессмысленной суетой не забивать. Запомни, Николай, мои ученики экзаменов не проваливают. Школа не та, чтобы проваливать!

Ксения растерянно посмотрела на Архипова, очевидно не понимая его замыслов.

– Отправитесь на прогулку по городу, – скомандовал Поликарп Матвеевич. – На увеселительную. И ознакомительную попутно. Покажешь девушке Университет и парк, Николай. Дальше не ходи, остальное можно будет и потом изучить. Правила ты знаешь, а потому будешь гидом.

Правила посещения Гатчины у сэнсэя были незамысловатые: чтобы вернулись до девяти вечера, трезвые, голодные и довольные. Нарушителей ожидал обстоятельный разговор с хозяином школы, иногда, в зависимости от настроения Поликарпа Матвеевича, весьма продолжительный. Многие владельцы частных школ держали учеников в большей строгости, но, на мой взгляд, заметных дивидендов это не приносило.

Услышав о предстоящей прогулке, Ксения тут же помчалась к себе наверх переодеваться. Я имел почерпнутое из книг представление о времени, необходимом дамам для подготовки к выходу, а потому сильно не спешил. Был у меня один вопрос к сэнсэю, который следовало прояснить.

– Ксения будет заниматься с профессором Ворониным, – с готовностью ответил Поликарп Матвеевич. – У нее склонность к футуроскопии, не всегда контролируемая. Во время боя футуроскопия спонтанно проявилась, когда же Ксения попыталась сознательно применить эту способность – случился обморок. На будущее, если во время прогулки произойдет что-то похожее, хватай извозчика и тотчас вези ее в школу. Футуроскопия – занятие энергоемкое, а неконтролируемая футуроскопия способна высушить человека досуха и даже убить. Кстати, ты правильно сделал, что задал этот вопрос, молодец.

Похвала сэнсэя – это всегда приятно. Даже когда знаешь, что больше тебя уже ничему в школе не научат и через несколько дней вообще отправят за тысячи километров от себя. Короче говоря, намотал я все сказанное на еще не отросший ус, оделся в выходную одежду и стал ждать Ксению у крыльца. Удивительное дело, долго выхаживать из стороны в сторону не пришлось. То ли врут книжки, то ли не об ученицах «психичках» писано, но собралась она ловко и скоро. По погоде оделась, у нее в Сибири такая, говорят, половину года стоит. Афанасий, когда ее увидел, аж лом, которым он лед с дорожки скалывал, едва себе на ногу не уронил. Потому как красиво. Не знаю как там с модой, в Петербурге, наверное, уже что-нибудь новое успели придумать, но с чувством вкуса у новой ученицы Поликарпа Матвеевича было все в порядке. Таким девушкам цветы под ноги надо бросать, а не ломы.

– Надеюсь, не задержала? – поинтересовалась Ксения, полностью игнорируя обалдевшего Афанасия. – После переезда все вещи в таком беспорядке, собираться одно мучение.

Я невнятно покачал головой, нашел в себе крошечный островок невозмутимости и пробормотал под нос что-то вроде «Все в порядке». Удивительное дело, этой несуразицы оказалось достаточно. Ксения сошла с крыльца и прищурилась, привыкая к яркому свету. Погода, как я, наверное, уже замечал, стояла отменная. Лишь продолжающийся снегопад чуточку портил впечатление, да и то только самым отпетым занудам.

– Гатчина – небольшой городок в пригородах Санкт-Петербурга и известна тремя вещами, – завел я лекцию, когда Афанасий закрыл за нами ворота – Первая, и самая знаменитая, – Государственный Университет психотехники. Его основное здание располагается в Павловском дворце. Когда отправленная на поиски эзотерических секретов Востока экспедиция представителей мальтийского ордена вернулась в Россию, Павел Первый распорядился проводить все опыты именно здесь. Сочетание оккультных знаний Запада, хранившихся на Мальте до ее завоевания англичанами, записей экспедиции о природе боевых искусств Востока, а

также русской изобретательности породило то, что принято называть психотехникой. По преданию, произошло это в той части дворца, где ныне располагаются кабинеты преподавательского состава.

Мы вышли на тропу, в двух сотнях метров от нас пересекавшую железнодорожные пути. По ним как раз проходил состав: машинист делал предупредительные свистки и ничего, помимо этих свистков, стало не слышно. Паровоз марки «Миллениум трейн» – железка массивная, свистит солидно да и тащит хороший груз. Нам пришлось пропустить вереницу вагонов, увозящую в направлении столицы горы каменного угля – на обогрев города и обеспечение топливом паровозного парка.

– Вторая вещь, благодаря которой Гатчина обрела известность, – продолжил я, как только появилась возможность, – местный парк. Благодаря ему, а также императорскому указу от тысяча девятьсот тридцать шестого года в нашем городе можно свободно дышать. Здешний воздух даже чище петербургского, как бы там ни помогали «психи».

– По сравнению с Москвой разницу ощущаю, – призналась Ксения, сделав пару пробных вдохов. – У нас в Сибири, вдали от цивилизации, еще свежее, но если сравнивать с воздухом крупных городов... она существенна.

В этом месте нам пришлось прерваться еще раз. Над нашими головами неторопливо прошел пассажирский дирижабль из Хельсинки. С палубы доносились обрывочные фрагменты марша, экипаж развлекал финских гостей перед посадкой при помощи патефонной записи.

– Они всегда так низко летают? – поинтересовалась девушка, когда трехсотметровая туша ушла из зенита и показала нам свои хвостовые рули. – Это же может быть опасно! Тут в лучшем случае шестьдесят метров высоты. А если впереди окажется холм, дерево, воздушный феномен психотехнического происхождения?

– Летом, в хорошую погоду и ниже бывает, – провозжая воздушный корабль взглядом, ответил я. – Здесь же проходит северная траектория захода на посадку – чтобы при сегодняшнем ветре подлететь к причальным мачтам со стороны Питера, надо или на этой высоте подходить, или делать резкий разворот возле самого аэродрома. На самом деле все не так страшно, как может показаться вначале. К этим гигантам быстро привыкаешь.

Сказал и подумал, что вот уже через несколько дней полечу на одном из таких воздушных кораблей. Сначала в качестве пассажира, а потом – когда встречу с напарником – и в составе экипажа. Представил, будто смотрю с палубы вниз, вижу под собою заснеженную дорогу, двойную линию уходящей к горизонту «железки», школу Поликарпа Матвеевича, самого себя, сопровождающего Ксению на ознакомительной прогулке...

И как будто замкнулось что-то в мозгу. Голова закружилась, и вдруг отчего-то не хватило воздуха.

– Сверху все выглядит совершенно иначе, – задумчиво пробормотала моя спутница, невольно попадая в такт с моими мыслями. А может, и не невольно – футуроскопия, особенно неконтролируемая, штука загадочная и, да будет мне позволителен этот каламбур, непредсказуемая.

– Мир под дирижаблем, если долго смотреть в иллюминатор, кажется ненастоящим, игрушечным. Красивой детской моделькой, которую торжественно и чуть-чуть снисходительно рассматривают родители. А ведь оно все настоящее, – говорила Ксения. – Настоящие люди, леса, дома. Натуральных размеров, не крошечное. Так легко забыть об этом, когда смотришь сверху...

– Никогда не забуду, – чувствуя какой-то скрытый упрек в свой адрес, пообещал я. – Богу богово, со снисхождением смотреть на наш мир людям недозволительно.

– Ты хочешь после экзаменов устроиться на воздушный корабль? – удивилась Ксения.

Мне отчего-то показалось, что мои слова вызвали в ней следующую волну футуроскопии. Выглядела она неуверенно, как будто заранее ознакомилась с черновиком нашей беседы и теперь не знала, какие правки в него вносить.

Неторопливым прогулочным шагом мы вышли к гатчинскому парку, той самой знаменитости номер два, о которой я рассказывал несколько минут назад. У входа в парк муниципальный рабочий ремонтировал газовый фонарь. По расчищенным дорожкам разгуливали дамы с собачками и господа с газетами.

– Поликарп Матвеевич уже договорился с моим будущим наставником. До четверга я сдаю экзамены на ранг подмастерья. Но на торговый корабль меня уже устроили. Сэнсэй, похоже, не сомневается, что я все сдам. Мне бы его уверенность...

– Сдашь, – попыталась подбодрить Ксения. – Я тоже не сомневаюсь.

Что-то в ее голосе меня насторожило. Подобные заверения произносятся многими, но когда слышишь это от девушки, подверженной приступам футуроскопии, – смысл слов меняется. Интересно, каково это – улавливать обрывочные образы будущего?

– Извини, – заметив, что я насторожился, произнесла Ксения. – Я не умею заглядывать в судьбы других людей, но иногда, против моей воли, возникают яркие картины. Совсем недавно, в тренировочном зале, я видела воздушный корабль, а на нем тебя. Видения могут обманывать, но они показывают наиболее вероятное будущее.

– Спасибо, – неуверенно пробормотал я.

Мои собственные психотехнические способности утверждали, что девушка говорит правду. Точнее, часть правды. Расходилось что-то в ее видении с теми словами, которыми я описывал свои планы. С одной стороны, любопытно, но с другой – хочу ли я это знать? Страшная все-таки штука футуроскопия. Опасная. Хорошо еще, что встречается редко.

Мимо нас прошла семейная пара, классическое столичное чиновничество на загородной прогулке. Он – солидный мужчина в гражданском, но с неистребимой военной выправкой, она – классическая дама «высшего света», с меховой муфтой, карликовой собачкой на поводке и вдохновенно скучающим выражением лица.

– Идиллия, – проводив их взглядом, заметила Ксения. – У вас тут все как на книжных картинках.

Я, разумеется, сделал вид, что совершенно не замечаю, как она лихорадочно подбирает новую тему для разговора. Более того, сейчас мне и самому хотелось говорить о чем угодно, только не о высоких материях.

– Немного неправдоподобно? – попробовал угадать я. – Как будто идешь по гигантской сцене между увлеченных своей игрой актеров, сам при этом актером не будучи?

Ксения остановилась и посмотрела на меня то ли с восторгом, то ли с ужасом.

– У меня иногда тоже прорывается. – Мне захотелось отвести глаза в сторону или попросту опустить их. Приложив волевое усилие, я не сделал ни того ни другого. – Стилевидение, ты, наверное, знаешь...

– Глядишь на человека, а потом догадываешься, как он поступит в той или иной ситуации, – кивнула Ксения. – У моего старшего брата было то же самое, только выраженное в очень слабой форме. Хотя даже этим он пользовался, чтобы дразниться – сидел и попугайничал. Я лезла в драку после второй или третьей реплики, а он, конечно же, знал о моих намерениях заранее и успевал сбежать.

Я сочувствующе вздохнул. У меня никогда не было младшей сестры.

Гатчина, всероссийский психотехнический центр, о котором в Сибири складывались легенды, оказалась небольшим и очень милым городком. Да, чувствовалась в нем определенная специфика столичного сателлита, не было промышленных предприятий, загрязняющих все вокруг сажей и копотью. Многие подростки щеголяли ученическими вольтами, совер-

шенно открыто играли с крохотными Воздушными Ловушками. Так и хотелось найти в ближайших кустах фотографа, снимающего на тему «Психотехнический рай». Первый час прогулки сопровождался побочными футуроскопическими эффектами, чувством заброшенности и непричастности к окружающему миру. Если бы не старающийся быть любезным Николай, Ксения отдалась бы на волю этим эффектам. Необходимость поддерживать беседу дисциплинировала девушку, фиксировала настоящее и не позволяла ему совершаться раньше времени.

Пару раз Николай, сам того не замечая, поступал не так, как в видениях. От подобного диссонанса кружилась голова, и только обилие свежего зимнего воздуха помогало Ксении не терять сознание.

В парке немного полегчало. Мир сфокусировался и наполнился оттенками. Короткий зимний день подошел к концу, и по всему парку зажглись газовые фонари. Где-то в стороне заиграл оркестр, студенты Университета, встав в круг, пытались соорудить что-то вроде небольшого торнадо. Получалось – точнее, не получалось – очень весело, в круг приглашались все прохожие с мечами или вольтами. Николай вопросительно посмотрел в сторону Ксении, но, очевидно, решил, что на сегодня и без того достаточно.

Ксения придерживалась того же мнения. В парке было интересно, но это наверняка не последний раз. До стадии подмастерья девушке оставалось полтора года – срок вполне достаточный, чтобы внимательно изучить Гатчину с парком.

Над головой проплыл очередной дирижабль, а может, и не один – Ксения все больше смотрела по сторонам, а не в небо.

– Пора возвращаться, – задумчиво произнес Николай, присмотревшись к большим университетским часам. – Поликарпу Матвеевичу вряд ли понравится, если мы пропустим ужин. По случаю твоего приезда готовится что-то необычное.

– И я не имею представления, – кивнула Ксения.

Видения будущего прекратились, оставляя однозначность настоящего пополам с усталостью. К усталости прибавлялась странная апатия, нездоровая и фрагментарная. Казалось, что все газовые фонари, попадавшие на пути, пульсируют в такт ударов сердца, голос Николая становился то тише, то громче, невпопад, где-то на середине фразы.

Отчего-то домой пошли через аэродром. Там фонарей было не в пример больше, чем в парке, однако обилие дирижаблей, приземлившихся или висящих над причальными мачтами, не позволяло свету распространяться вдаль. Гигантские газовые камеры, как тучи, нависали над заправочными установками, приземистыми залами ожидания и многочисленными ангарам для ремонта.

– Страшно, – призналась Ксения, проходя по краю посадочного поля. – Как будто очутился на дне Мирового океана и попал на дружескую встречу левиафанов. Вот-вот кажется: сделаешь выдох, а на вдохе вместо воздуха польется в легкие соленая вода.

Дышать действительно становилось трудно. Вдоху и выходу сопутствовало какое-то препятствие, похожее на Воздушную Ловушку, неведомым образом оказавшуюся в бронхах. Почему-то это затруднение не распространялось на речь. Слова выходили без напряжения, да и воздух для новых слов проникал в легкие обычным порядком. Само собой захотелось говорить, говорить, говорить – не выбирая тем, не следя за связностью и смыслом. На «ты» они с Николаем перешли еще в самом начале прогулки. Со стороны Ксении это была естественная реакция, связанная с футуроскопической волной: когда знаешь будущее человека лучше, чем он сам, невольно принимаешь его в свой круг и позволяешь себе вольность говорить ему «ты». С Николаем, очевидно, сходную роль играло стиливидение.

Ксения рассказала спутнику о родном приграничном городке, о своей семье, братьях, сэнсэе, во всех подробностях описала долгую дорогу в Гатчину, на воздушном транспорте с тремя пересадками, в Иркутске, Перми и Твери. Удивляясь срывающимся с языка формулировкам, довольно точно описала ощущения накатывающего будущего и отступающего в сто-

рону, в позицию не вмешивающегося ни во что, настоящего. Николай внимательно слушал ее, как будто понимал всю значимость этого монолога. А может, и понимал, поскольку стиливидение, в отличие от футуроскопии, не вырывает человека из потока жизни, а, наоборот, погружает его все глубже и глубже.

Неожиданно Ксении стало хуже. Николай заметил проезжавшего мимо Михея и замахал ему. Михей был уже нетрезв, однако это ничуть не мешало ему ворочать рычаги паромобиля. Машина ловко развернулась на сто восемьдесят градусов, подъехала к прогуливающимся и остановилась.

– Подвезете до школы Архипова? – поинтересовался Николай, памятуя о наставлениях энсэя. – Мы заплатим!

Глаза Михея хищно сверкнули в неверном свете газового фонаря. Транспортируемая им штанга для посадочной мачты была отцеплена в мгновение ока. Водитель клятвенно заверил Ксению, Николая, а также всех православных святых в том, что подберет штангу сразу после того, как выполнит богоугодное дело, подработает извозчиком. За дело Михей взялся споро, машина заурчала и двинулась в путь, словно только и ждала именно таких вот пассажиров.

– С ветерком докачу! – приговаривал водитель едва ли не трижды в минуту. – Ежели оно надо, мы можем не просто быстро, а абсолютно быстро.

Каким образом Михей представлял себе абсолютную быстроту, осталось неизвестным. Разогнавшаяся машина, громыхая сваленными в грузовом отсеке предметами, затормозила в сотне метров от школы.

– Ну прямо как заколдовали тропинку! – в сердцах воскликнул водитель. – И в тот раз сломались, и в этот раз неполадка. Извиняйте Михея. Тут Михей не виноват. Во всем гремлины виноваты. Это мне начальник аэродрома по секрету объяснил.

На свежем воздухе Ксении чуть полегчало. Резко полегчало, с внезапно проявившейся пульсацией крови в висках и слабостью в ногах.

«Еще не хватало упасть в обморок перед воротами школы, – напрягая силу воли, подумала она. – До комнаты обязательно надо добраться своим ходом».

Замысел удалось реализовать на три четверти. Афанасий резво отворил ворота, ловко забросил брус засова, когда прогуливавшиеся вошли во двор, зычно кликнул Оксану и юркнул за угол. Ксения с трудом поднялась на крыльцо, прислонилась к бревенчатой стене. Заходить внутрь не хотелось. Внутри не было свежего воздуха, зато была лестница на второй этаж, о существовании которой Ксения успела благополучно забыть.

– Замерзнешь ведь! – добродушно пожурил девушку вышедший по своим делам Поликарп Матвеевич.

Под его ногами крутилась, выпрашивая еду, школьная кошка.

Ксения попробовала покачать головой, но именно в этот момент ноги подогнулись сами по себе. Николай снова оказался рядом. Поликарп Матвеевич испытал легкое *deja vu*, когда его старший ученик рванулся вперед и подхватил Ксению на руки.

Бежать от Теслы Бобби Длинный Язык решил во время бомбардировки. Самое позднее, сутки спустя, когда припелся после утомительного ремонта к своей койке, бессильно свалился на нее и тут же вскочил, поскольку увидел в полете – за миг до приземления на жесткий матрас – кошмарный незабываемый сон.

Снился Бобби взрыв. Большой страшный взрыв. Неестественно тихий, как будто перенесшийся в сонную реальность из синемаатографа. Страшная вспышка ослепила Бобби, опалила его лицо, огонь охватил его тело и развеял его в прах. Но на этом кошмар не закончился. Наоборот, сразу стало видно намного лучше, как будто раньше приходилось носить авиационные очки-консервы со стеклами, закопченными для разглядывания солнечных затмений, а теперь кто-то выскочил из-за спины и эти самые очки сорвал. Бобби увидел, как гнев Господа

обрушивается на мир, как испаряются в воздухе газовые камеры многочисленных дирижаблей, как превращаются в огненные шары и падают дождем в океанские воды их металлоконструкции. Как исчезают люди, будто их выключают из реальности потусторонние механики.

Взрыв не пощадил и морские корабли. Факелы вспыхивали и тут, но быстро съезжались и уходили под воду. Огонь Господнего гнева изверг тонны воды вон из эпицентра. Тысячи людей сварились заживо, когда пар окутал их тела, полностью заменяя собой пригодный для дыхания воздух.

А потом пришла взрывная волна. Именно ее, подобную диабазу, с которым сталкивается выбросившийся из окна самоубийца, ощутил Бобби, просыпаясь от собственного, так и не состоявшегося крика. Ибо не взрывная волна это была, а одеяло из верблюжьей шерсти, на которое он свалился лицом вниз.

Сон был вещим, это Длинный Язык понял сразу. Понял – и ни разу не усомнился в своем решении сбежать.

А тут еще и повод представился отличный. У Теслы закончились так необходимые ему детали, а базу, где можно было достать новый запас, разбомбила орегонская эскадра РикOVERA. Пришлось капитану разворачивать корабль и плыть на восток, заказывать новые. А где одно пополнение запасов, там и второе, третье... Механики, одним из которых был Бобби, перебирали каждый доступный им механизм, определяли степень его износа и составляли список запчастей, которые могли бы понадобиться в самом ближайшем будущем.

Стоило подсуетиться, немного смошенничать при игре в кости – и вот Бобби входит в состав той дюжины закупщиков, которая выйдет на берег. Ему завидуют завистью всех оттенков радуги, а также белой и черной. И никому из завидующих неизвестно, что Бобби и сам смертельно боится выплывать наружу, в большой мир.

Катер пришвартовался в надежном месте, под присмотром наземных товарищей. Список необходимых деталей был велик, а времени на закупку Тесла выделил крайне скупое. А тут еще и секретность надо соблюдать. Бобби половину дня добросовестно исполнял свои прямые обязанности – ходил по конторам, договаривался о ценах и сроках. И конечно же, уточнял составленный по памяти план бегства, то тут, то там натыкавшийся на несостыковки, несоответствие воспоминаниям и обманчивость условных обозначений.

Вечером, сказавшись занятым, Бобби вошел в контору по продаже подшипников через парадный вход, а вышел через черный. Прием столь же банальный, сколь и безотказный. Прежде чем его напарники сообразят, что старший механик Роберт Шонсон навсегда покинул их компанию, должно пройти не меньше трех часов. За это время можно скрыться так, что и сам дьявол не найдет. Потом Бобби, конечно же, преобразится. Ему хотелось добиться полной неузнаваемости, однако он глядел на себя в зеркало и все равно видел в нем перепуганного механика, сбежавшего из ада. С его лица исчезли борода и усы, зато появились лысина и фальшивая татуировка с изображением звездно-полосатого американского флага – в точности на правом виске, чтобы бросалась в глаза и затмевала кривой нос, характерный шрам под нижней губой, отвлекала внимание от рыскающего в поисках опасности взгляда. Место в ночлежке для бездомных он выиграл в кости у одного из постоянных обитателей этого гадюшника. Здесь Бобби собирался переночевать, прежде чем рвануть на север, через фронтальную полосу – в Орегон. Где-где, а в колонии, управляемой представителем британской короны, тоже есть жизнь. Там любят деньги и женщин и нарушают государственную монополию на алкогольные напитки.

– Я был механиком на самой лучшей подлодке в мире, – тихо пробормотал себе под нос Бобби, укладываясь на дощатую кровать, мало отличающуюся по жесткости от той, которую он оставил, сбежав. – Они мне поверят. Поверят и дадут денег. А с деньгами мне Тесла не страшен. Плевать я на него хотел.

Волнение постепенно спало, позволило расслабиться и заснуть. Спал он ровно двадцать одну секунду. Именно столько длился в объективном времени его кошмар. Дополненное издание того, который Бобби видел на субмарине.

В комнату, где лежала Ксения, Кася пробралась без труда. Если умеешь проскальзывать под ногами у людей, ластиться к ним и быть настойчивой – закрытых дверей для тебя не существует. Конечно, для того чтобы полностью воспользоваться всеми этими качествами, надо быть кошкой. Обыкновенной домашней кошкой, живущей в доме почти что с самого рождения, не вызывающей никаких подозрений. Вот и на этот раз она прошмыгнула под ногами Поликарпа Матвеевича, а тот будто даже и не заметил ее.

Возле кровати, на которой лежала Ксения, на тяжелом резном стуле из вишневого дерева сидел профессор Воронин, усталый и встревоженный.

– Никакой динамики? – для проформы поинтересовался сэнсэй, подходя поближе.

Кася нырнула под кровать и уселась, обернувшись хвостом. Прислушиваться к Намерениям говорящих. Произносимые слова она пропускала мимо ушей, сосредоточиваясь на ритме дыхания девушки. Намерение профессора Кася и Архипов считали еще перед тем, как войти, а потому ответа и не ждали.

Профессор поднял голову и посмотрел на Ксению. Внимательно посмотрел, не одним только зрением. В диапазон доступных ему психотехнических способностей входила дистанционная диагностика и даже какие-то незначительные зачатки стилевидения. Кася, уже успевшая осмотреть девушку, терпеливо устала на профессорские ботинки, точнее, на аккуратно завязанные шнурки. Она питала слабость к узелкам, и только неуместность игры останавливала ее от немедленного нападения на ноги Воронина.

– Запас внутренней энергии все меньше и меньше, – вздохнул профессор, тщательно пряча отчаяние. Кася даже сощурилась, настолько тягостна оказалась эта эмоция. – Она по-прежнему не приходит в себя, застряла в эпицентре футуроскопической ловушки и никак не может вырваться. Я и не подозревал, что ее способности сильны настолько, чтобы использовать их сознательно. Яков Измаилович, когда описывал мне эту девушку, заверял, что до полного раскрытия футуроскопии есть по меньшей мере год, – когда я изучал будущее, получался сходный результат. Аномалия, Поликарп! Непредсказуемая аномалия. Это меня тоже беспокоит. Как будто бы предсказания перестают работать, а мы попадаем в такие времена, в которых свобода самоопределения уступает место неопределимой однозначности фатума.

Кася предусмотрительно скрыла от «психов» свои Намерения, а потому профессор не заметил, как пожилая школьная кошка преисполнилась гордости за свое предназначение. Борьба с фатумом была смыслом Касиной жизни, – этой жизни – и Кася знала, что сможет ему противостоять. Если, разумеется, люди не вмешаются и все не испортят. С людьми такого рода несуразности происходят довольно часто, особенно когда начинаешь считать их разумными существами.

– Николай сдал экзамены, – глухим голосом сообщил сэнсэй, подтаскивая к кровати второй стул. – Нисколько в нем и не сомневался. Это второй мой ученик с такими способностями к стилевидению.

«А Ксения должна была стать моей первой ученицей с футуроскопией», – дополнило фразу Поликарпа Матвеевича Намерение.

– Он улетает в четверг? – поинтересовался Воронин, больше ради продолжения беседы, чтобы не состоялась гнетущая и наполненная безнадежностью тишина. – Ты уверен в Захаре? Все-таки первый выпуск...

– Полностью уверен, – выдохнул сэнсэй, потихоньку избавляясь от ощущения, что Ксения обречена, подобно сотням других учеников и учениц с футуроскопией, умереть, не выходя из комы.

Кася, украдкой способствовавшая возрождению надежды, тихо заурчала. Люди, по ее мнению, являли собой пример бестолкового использования своих природных способностей. Вот, например, слух: даже тот, кто не стал обученным «психом», мог бы – если бы постарался – услышать, как она урчит под кроватью. «Психи» тем более могли.

– Я больше беспокоюсь за Николая, – продолжил сэнсэй. – Ты ведь смотрел на его будущее, расскажи...

– Пока он не покинул школу? – чуть повысил голос профессор Воронин. – Твое знание может сказаться на его выборе. Он же стилиvideц, а наше с тобой знакомство ни для кого не секрет. Стоит ему заподозрить...

Кася все-таки протянула лапу к шнуркам Воронина, но вовремя обуздала свой порыв. Человеческая поговорка «Делу время, потехе час» была совершенно незнакома Касе. Более того, в ее личном словаре не имелось аналогов понятиям «дело», «час» и «потеха». Но если бы Касины мысли попробовали перевести на человеческий язык – переводчик, скорее всего, вспомнил бы именно эту фразу.

Кася закрыла глаза, выпустила наружу когти и задремала.

– Убедил, – кивнул Поликарп Матвеевич. – Но стоит ему подняться на борт дирижабля...

– Разумеется. Кстати, он уже вернулся из Университета? Надо бы мне его поздравить.

– Нам надо поздравить. Вместе. А за Ксенией пока приглядит Оксана.

Оксана... Кася немедленно проснулась, потянула спину и заглянула в ближайшее будущее. Задуманное получится. Фатуму придется отступить – пусть непобежденным, даже немного укрепившим свои позиции, но отступить.

Профессор с Архиповым встали, еще раз посмотрели на бледное лицо Ксении.

– Ты ее будущее смотрел? – сдерживая дрожь в голосе, спросил сэнсэй. – Что в нем?

– Неизвестность, – нехотя ответил Воронин. – Смотреть на будущее футуроскопистов – сплошная головная боль. В данном случае ее будущее не определено. Или, наоборот, полностью предопределено. И тот, и другой исходы моей футуроскопии неподвластны.

Тихо постучалась и вошла в комнату Оксана. Глянула на сидящую под кроватью кошку, вздохнула.

Воронин закашлялся, Поликарп Матвеевич что-то забормотал, и оба, толкаясь и подбадривая друг друга искусственными улыбками, удалились поздравлять Николая.

Едва за ними закрылась дверь, Кася выскочила из-под кровати и жалобно мяукнула.

– Снова хочешь есть? – недоверчиво переспросила Оксана, глядя в круглые кошачьи глаза.

Кася с удовольствием уловила волну Оксаниных Намерений и пообещала себе напомнить о них, как только будет сделано дело. Пока служанка сокрушалась по поводу бледного вида девушки и забытой в комнате кошечки, Кася собрала силы и прыгнула Ксении на грудь.

– Кася!

Оксана соображала быстро, только вот в скорости реакций безнадежно отставала от любого из кошачьих. Чтобы прогнать Касю с кровати, требовалось сделать шаг, наклониться, попытаться схватить кошку на руки – целых полторы секунды, не меньше. Полторы секунды объективного времени и неопределимое, неисчислимое количество секунд времени субъективного. Кася стремительно осмотрела ближайшее будущее – футуроскопическая ловушка, в которую угодила Ксения, распространялась на три с половиной секунды.

– МЯУ! – во всю силу своих легких прокричала Кася, выпуская почти два десятка когтей. – МРРРРРЯУУУ!

Ни в одном будущем из тех, где находилась Ксения, этого события не происходило. Реальность ушла вбок, видения девушки – в область нереального. Туда, где все составлявшие ловушку варианты будущего исчезали, растворяясь в небытии.

Ловушка разом лопнула, и Ксению резко швырнуло в настоящее. В единое, неделимое, изменяемое исключительно с течением времени.

– Кыш!

Наконец-то Оксана сумела сделать необходимые шаги, наклониться... взять в руки Касю не удалось. Кошка спрыгнула на пол и спряталась под кроватью. Задуманное осуществилось: фатум был посрамлен, Ксения пришла в сознание. Неведомому противнику Каси в этой необычной войне был нанесен первый удар.

III

Под ногами мягко пружинили резиновые чешуйки пола. Шаг, другой, третий. Больше трех шагов сделать все равно не получается, слишком мала каюта, даром что двухместная. Сразу под перекрытиями пола – технические помещения. Под каютой, в которой расположился Николай, – балласт: несколько тонн воды. Если приложить ухо к полу и отрешиться от деловитого гудения мотора, можно даже услышать тихий плеск. Или подумать, будто его слышишь.

Николай, наверное, в сотый раз подошел к иллюминатору и посмотрел наружу. Небеса пополам с налипшим по ту сторону стекла снегом, редкий туман вдалеке. Только это вовсе не туман, а самые настоящие облака, из которых совсем недавно высыпались на землю мириады снежинок.

Утром, незадолго до восхода солнца, на горизонте должна была показаться Москва. Сначала Николай хотел дожидаться этого момента на прогулочной палубе, но суровый ветер и лютовавший на высоте мороз превращали ожидание в никому по сути не нужный подвиг. В застекленной же кают-компании пассажиры играли в карты, слушали патефон и вели светские беседы. Среди них Николай ощущал себя белой вороной. У него не было счета в банке, собственного предприятия, титула, влиятельных и обо всем осведомленных друзей. Он даже не был мастером психотехники: новая, даже не поцарапанная рукоять, выглядывающая из-за плеча, простенькие ножны с единственным опознавательным знаком, причислявшим его к выпускникам частной школы Поликарпа Матвеевича Архипова, – все мало-мальски заметные детали выдавали в нем только что состоявшегося подмастерья. Таким, как он, отчего-то оказывающимся в светском обществе, полагалось молчать и с почтительным видом выслушивать каждого, вознамерившегося потрепать языком. Добро бы разговаривали на умные, заслуживающие внимания темы: о последних достижениях науки, новых психотехнических школах, о политике, в конце концов. Все была бы образовательная польза. Увы, даже до разговоров о литературе дело доходило не часто.

Потому Николай, проведя в кают-компании первые пять часов полета, зарекся ходить туда без особой нужды. А по сторонам неплохо смотреть и из других мест.

Соседом по каюте оказался пожилой промышленник из Екатеринбурга. Он приезжал в столицу на подписание какого-то крупного контракта. Отмечать это событие промышленник начал еще на католическое Рождество, финальную часть большого загула предстояло провести у себя дома, в кругу компаньонов и родственников. Даже не прибегая к стиливанию, Николай знал, что все время в пути промышленник потратит на оттачивание умения храпеть и поддержание себя в запойном состоянии. Вот и сейчас сосед по каюте спал, уронив на пол пухлую волосатую руку. Сеанс бесперебойного храпа продолжался более часа. За этот срок Николай успел избавиться от сонливости, проделать малый комплекс дыхательных упражнений, исходить каюту по прямой и синусоиде, а также во всех подробностях разглядеть налипшие по ту сторону иллюминатора снежинки. Применять психотехнику против храпящего новоиспеченный подмастерье не решался. А ну как переусердствуешь ненароком да и задушишь спящего.

– Ну и черт с морозом, – решил наконец юноша. – Если промерзну как следует, может, буду спать без проблем.

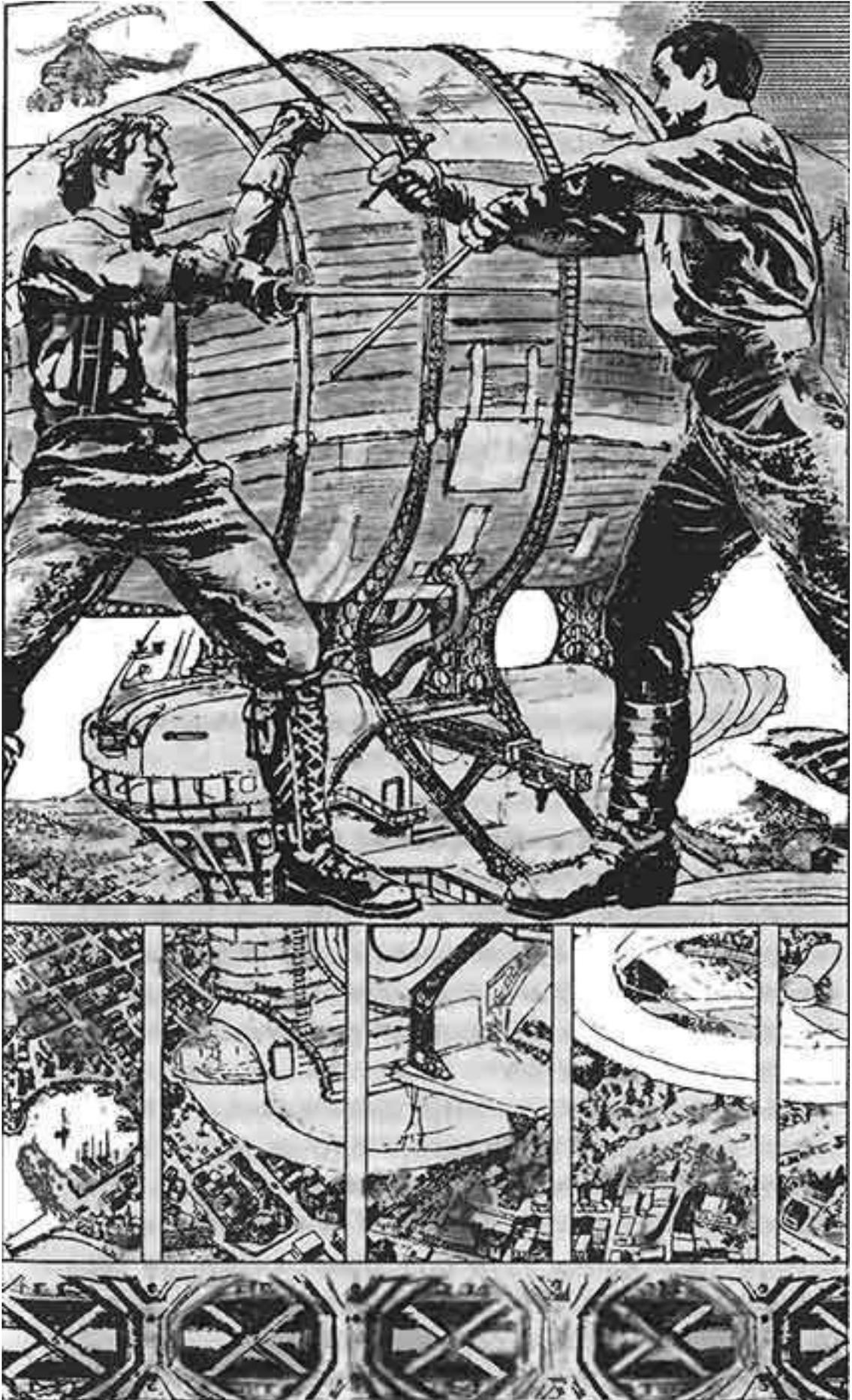
В свое время, пока Николай не научился искусству бесшумного передвижения, сэнсэй страшно возмущался, топал ногами и ругался на мертвых языках. Потом, когда его старший ученик освоил все необходимые хитрости и мог стянуть блинчик из-под носа у бдительной Оксаны, пришло время ругать других учеников. И снова были топот, едкая критика, насмешки и возмущение, но уже в адрес Пашки или Мишки. Очевидно, в комбинации этих средств самовыражения крылась великая сэнсэйская тайна, позволявшая превращать неуклюжих мальчишек в опытных «психов», сдающих экзамен на право владеть мечом без единой оплошности.

В коридор Николай прошел, не потревожив храпящего. И по коридору прошел тише некуда, шалости ради – на руках и с зажатыми в зубах ножнах. Ножны пахли свежей кожей, сандалом и еще чем-то незнакомым. То ли смазкой, то ли еще чем.

Обзорная площадка встретила юношу характерным психотехническим сквозняком, коротким глухим хэканьем и свистом рассекаемого воздуха. Свободные от вахты корабельные мастера, понял Николай, заметив стоящего поодаль человека в той же форме, что и сражающиеся. Стоящий вздымал меч над головой и поддерживал своей энергией ту Воздушную Ловушку, которая удерживала в узде ветра вокруг дирижабля.

Поединки между мастерами-психотехниками Николай видел не в первый раз, на ежегодном гатчинском турнире сходились фехтовальщики куда более умелые, нежели, эта пара, но посреди небес, балансируя на скользких обледенелых перилах, в его присутствии еще не сражался никто.

Сталкивались стремительные мечи, уничтожали друг друга Воздушные Ловушки, разлетались в разные стороны недолговечные фантомы и обрывки искусственно погашенных Намерений.

«Завидую, – признался себе Николай, непроизвольно опуская руку к своему мечу. – Когда еще мне хватит сил и умений на такой поединок? И хватит ли их вообще?»

«Психи» соскочили с перил, закружились меж опорных колонн, то и дело отталкиваясь от них в разнообразных экзотических прыжках.

– Каждый развлекается как может, – заметил кто-то из-за спины Николая.

Подмастерье вздрогнул от неожиданности. Увлечшись наблюдением за фехтовальщиками, он забыл обо всем остальном.

«Вот чего стоят мои умения, – с горечью подумал Николай. – По сравнению с профанами могу и покрасоваться, но стоит рядом оказаться мастеру – пшик. Гордыня – смертный грех. Так мне и надо, грешнику закоренелому».

– Извините, что побеспокоил, – продолжил незнакомец за спиной.

Теперь, оправившись от шока, Николай чувствовал его стилевидением. Пока еще смутно, как в туманном облаке, но с каждой минутой все четче и четче. И еще – никакой это был не незнакомец.

– Мне тоже не спится в эту ночь. Я честно пролежал на койке четыре часа, но потом бросил себя обманывать, оделся и пошел сюда. По-моему, обзорная площадка – самое подходящее место для всех, страдающих бессонницей.

Манера строить фразу была уловлена стилевидением, которое моментально выдало результат.

– Вас зовут Дмитрий Никанорович. Ледяников Дмитрий Никанорович, – уверенно произнес Николай. – Вы учились у Поликарпа Матвеевича задолго до того, как в его школу поступил я. Если не ошибаюсь, второй или третий выпуск.

– Сэнсэй всегда знал, кого брать к себе в ученики, – удовлетворенно вздохнул Дмитрий Никанорович. – Только вот есть одна небольшая загвоздка: ты меня не узнал.

– То есть как это... – попробовал возразить молодой человек, но увидел в руке собеседника малиновую корочку и умолк.

– Меня зовут Тихон Андреевич Новгородцев, – не разжимая губ, прошептал Дмитрий Никанорович. Николаю оставалось только восхититься тем мастерством, с которым была произведена воспроизводящая голос Воздушная Ловушка, приставленная вплотную к его уху. – Мы с тобой, на всякий случай, еще не знакомы. Познакомимся как следует за завтраком, постараюсь не опоздать.

«Стоило покинуть школу, как тут же вокруг что-то начинается», – подумал Николай, послушно кивая.

– Вот и замечательно, – улыбнулся собеседник. – Я, собственно говоря, только потому и пришел на этот морозище, чтобы предупредить тебя. А сейчас вернусь к себе в номер и стану храпеть наподобие твоего промышленника.

Движения Дмитрия Никаноровича были осторожными, тщательно выверенными. Кажется, помимо разговора с юношей мастер-психотехник делает еще какое-то дело – не менее важное и очень-очень сложное. Вот он сделал легкий поклон, отступил к двери в коридор, быстро подмигнул Николаю и каким-то незапоминающимся образом растворился в воздухе.

– Чертовщина, – пробормотал Николай, оглядываясь по сторонам.

Фехтовальщики продолжали свой танец на перилах, дежурный психотехник по-прежнему вглядывался вдаль. Как будто и не было этой встречи.

Согласно расписанию в Шереметьево дирижабль прибывал сразу после завтрака. Компания, организовавшая перевозку, должно быть, зарабатывала уйму денег, перевозя транзитных пассажиров из столицы в Москву менее чем за двадцать часов, из которых больше половины приходилось на темное время суток. Вообще-то воздушный корабль мог лететь гораздо быстрее, Николай читал в газетах сообщения о поставленных в Японии рекордах: группа «пси-

хов» меньше чем за час разгоняла дирижабль до 212 километров в час. Разумеется, сконструированный для гонок, максимально облегченный, может быть, даже вовсе лишенный паровых двигателей, газового резерва и прочих вещей, столь необходимых в длительном путешествии.

«Михайло Ломоносов», на котором летел Николай, не претендовал на призы за скоростную доставку пассажиров. Владевшая им компания делала ставку на комфортное размещение и минимальные цены за окружающее великолепие. Первые несколько часов Николай не понимал причин, по которым Поликарп Матвеевич заказал билет именно на этот рейс. Ближе к вечеру понял и был благодарен сэнсэю. За девять дней, которые должно было занять путешествие до Якутска, освоиться в воздухе, привыкнуть – пусть даже в качестве пассажира – к специфике проживания на воздушном корабле мог кто угодно. Страховка от воздушной болезни, агорафобии, десятка прочих психических расстройств, возможность задать практически любой вопрос свободным от вахты членам экипажа – это стоило лишних денег, потраченных за право лететь на таком пассажирском дирижабле.

О том, что «Ломоносов» уже пролетает над Москвой, Николай понял по оттенку облаков, проплывавших за горизонтом. В естественных условиях такой оттенок серого, нездоровый, мышинный, но с явственными черными прожилками не встречается. Его создает человек: построенные им фабрики, скопление машинерии, ежедневно сжигающей сотни вагонов отборного угля. Воистину мудрый закон издал государь император, когда запретил тяжелую промышленность в Санкт-Петербурге и десятке городов поблизости. Градоправитель Москвы, как писали газеты, ежегодно пытался избавить горожан от особо крупных заводов, вывести их за городскую черту и тем самым хоть немного очистить воздух на улицах. Насколько удачны были все эти попытки, Николай видел в иллюминатор. Где-то под дирижаблем проплывали черные от сажи крыши домов, грязные улицы, чахлые деревья да этого индустриального серого оттенка проплывающие облака.

Спать отчего-то совсем не хотелось. Да и возможностей заснуть было не слишком много – сибирский промышленник пребывал во власти кошмаров, перемежал громогласный храп со стонами, нецензурными выкриками и требованиями принести ему ямайского рома. Николай утешал себя тем, что где-то в районе полудня сосед проснется, пойдет в бар и просидит там до полуночи, но даже эти размышления не могли вернуть юноше сон.

Овцы послушно прыгали через заборчик, фехтовальные упражнения вспоминались и представлялись с безупречной четкостью. Когда же стало ясно, что многократно испытанные приемы не помогают, стройность мысли куда-то исчезла. Вспомнилась школа, сэнсэй, упавшая в обморок и не приходившая в себя двое суток Ксения, Пашка, едва не победивший будущего подмастерья за три часа до экзаменов. Николай думал о том, что Поликарп Матвеевич уже встал с постели, проделал утренние упражнения, вскипятил самовар и теперь терпеливо дожидается почтальона с новыми заграничными журналами. О том, что старшие ученики неторопливо просыпаются в отведенном для них крыле. О том, что с его отлетом в школе почти ничего не изменилось, разве что освободилась крайняя комната, да в церемониальной на одну из полок лег отслуживший свое именной вольт. Прогнать эти мысли отчего-то не удавалось – ни одна из проверенных техник контроля над мышлением не помогала. Вот тебе и качественное образование, меньше надо было ушами хлопать, больше практиковаться. Когда сто одиннадцатая овца флегматично перепрыгнула через заборчик и растворилась в воздухе, Николай понял, что заснуть не удастся, как тут ни старайся. Сосед-храпун не унимался, и подмастерью пришлось снова встать с порядком изъезженной койки.

«Лучше замерзну, чем помру от тоски и бессонницы», – решил юноша и бесшумно вышел из номера.

В Мариенбурге, гатчинском пригороде, еще несколько лет назад считавшемся отдельным поселком, все почтальоны знали привычку Поликарпа Матвеевича читать перед завтраком.

Лишь немногие из них помнили, отчего письма в школу Архипова доставляются без задержек и промедления. Крышу почтового управления с тех пор неоднократно чинили – по совершенно иным причинам, – но это не мешало ветеранам почтовой службы вздрагивать от стука болтающихся на сквозняке форточек, а также ежегодно выделять средства на укрепление кровли и вызов трубочиста.

Вот почему конверт с печатью Департамента Психотехники добирался до Поликарпа Матвеевича не два с половиной дня, а только полтора. Доставить сообщение на первом этапе его пути взялся Федор Парамонов, гатчинский почтовый чиновник, по воле случая увидевший лицевую сторону конверта именно тогда, когда в его присутствии упаковывался мешок для перевозки корреспонденции из петербургского почтамта в гатчинский. Если бы не старый, граничащий с глубочайшим почтением страх перед Поликарпом Матвеевичем, Парамонов доставил бы письмо еще раньше, часов в десять вечера – сразу после того, как вернулся по железной дороге в родной город. Тем не менее, когда сэнсэй завершил каждодневную пробежку, в почтовом ящике его ожидало долгожданное известие.

Тихо хрустнул сургуч, стремительный взмах, свист рассекаемого воздуха – Поликарп Матвеевич мечом аккуратно отделил от лежавшего на столе конверта тонкую полоску, изучил полировку на предмет отсутствия царапин и только после этого проверил содержимое письма.

– Вот теперь все получится, – пробормотал сэнсэй, дотрагиваясь кончиком меча до самовара.

– Будешь звать Воронина прямо с самого утра? – поинтересовался гость сэнсэя, пододвигая к себе тарелку со вчерашними блинчиками. – Или прислушаешься к моему совету и не станешь форсировать события? Я бы рекомендовал устроить для Ксении малый курс самодисциплины. Футуроскопия – заманчивая способность, а будущее способно соблазнить даже самых крепких духом людей.

– Она уже получила урок, – возразил Поликарп Матвеевич. – Трехдневная кома не может пройти бесследно. Я не в силах придумать более грозное предостережение для девочки. Ей же до сих пор по ночам снятся кошмары. Моя спальня расположена через стенку от ее комнаты – я периодически слышу эти крики...

– Что она кричит? Признавайся! Она же что-то знает...

Сэнсэй смущенно отвел взгляд в сторону, не глядя на гостя, налил себе чаю и тут же ополовинил кружку.

– Мне беспокоит за Николая, – наконец-то пробормотал Платон Матвеевич. – Она зовет его, просит быть осторожнее. Очень много непонятных слов и оборотов. Мне иногда кажется, что они относятся к воздушной или морской тематике – это было бы еще как-то объяснимо.

– Девочка может рассказать об увиденном в подробностях? – Гость сосредоточился, запоминая каждое слово.

– Она просыпается от каких-то кошмаров, но ничего вспомнить не в состоянии, – покачал головой сэнсэй. – Теперь ты понимаешь, отчего я так спешу с Ворониным? Он в этих делах специалист и сможет защитить Ксению – мне очень хочется в это верить. Футуроскопия недаром встречается так редко. Этот дар очень опасен для обладателя...

Где-то в хозяйственном крыле хлопнула дверь. Гость быстро доел блинчик, допил свой чай и поднялся из-за стола.

– Мне пора, – заметил он. – Не надо, чтобы меня увидел кто-нибудь, пусть даже случайно.

– Заходи завтра с утра, – попросил Платон Матвеевич. – Пофехтуем, поговорим по душам...

– Разве я когда-нибудь отказывался? – с усмешкой заметил гость. – Разумеется приду. Чай у тебя больно хорош. Да, напиши письмо Кольке. Я слышал, что любое вмешательство в развитие событий способно изменить будущее, особенно то, которое зафиксировано чьим-то предвидением. Хуже вряд ли будет. Как там по-латыни будет – кто предупрежден...

– ... тот вооружен, – заключил сэнсэй, машинально поглаживая свой меч. – Ты прав. Надо написать письмо. Но профессора Воронина я все равно приглашу. Сегодня же. Пашку к нему пошлю.

– Не буду спорить. – Гость подобрал свое оружие, поправил одежду и направился к выходу. – Когда живешь с человеком через стенку – многое становится очевидным.

Лежавшая на подоконнике кошка чуть приоткрыла левый глаз и снова погрузилась в утреннюю дрему.

Тихо скрипнула дверь, и в доме опять наступила условная утренняя школьная тишина. В обеденном зале остывал самовар, тикали напольные часы, подаренные учениками первого выпуска. В хозяйственном крыле гремела сковородками и кастрюлями Оксана, в ученической кто-то уронил на пол вольт. И только пустая чашка свидетельствовала о том, что Поликарп Матвеевич в самом деле принимал у себя гостя.

Дмитрий летел первым классом, в отдельной каюте с баром, небольшой корабельной библиотекой и еще несколькими демонстративными элементами роскоши, совершенно нефункциональными и громоздкими. Всякий раз, входя к себе, Лебяников ощущал несоразмерность предоставленного ему номера и имеющихся потребностей. Определяемая психотехническими ритуалами жизнь оставляла мало времени на общепринятые развлечения. Даже популярный синемаграф с таперами или записанным на пластинку звуковым сопровождением не развлекал, а только наводил на тягостные размышления о человеческой природе. Будь его воля, Дмитрий поменял бы билет на эконом-класс и весь рейс трепался бы с соседями: купцами, инженерами, школьными учителями. Вот где искренность Намерений, приязнь и понимание. Но поручение Платона Эдуардовича, а в особенности те сведения, которые он вез во Владивосток, требовали особых мер безопасности, в частности – отдельной одноместной каюты.

Те же меры безопасности, в сущности, определили и рейс, и время отправления Дмитрия. Узнав о том, что к месту работы ему предстоит добираться медленно и с пересадкой, «псих» едва не устроил в кассе аэропорта локальный смерч, но вовремя одумался и решил не привлекать к себе внимания.

«Стоило ли рассматривать встречу с выпускником родной школы как приятную неожиданность?» – думал Дмитрий, проходя мимо кают-компаний. Несмотря на ранний час, там по-прежнему сидели какие-то люди. За центральным столиком вяло играли в бридж; сидя на диванчике, дремал известный банкир; четверо прилично одетых юношей флегматично пили водку.

Пройдя по выложенному ковровой дорожкой коридору, Дмитрий почувствовал какой-то подозрительный психотехнический ток. Несведущий человек, возможно, принял бы его за легкий сквозняк или последствия пребывания на открытой смотровой площадке. Ученик школы Архипова такой ошибки не допустил. Слегка замедлив шаг, он бросил свое внимание вперед, подобно шару для игры в боулинг. Шар-внимание, вопреки силе притяжения, проскакал вверх по лестнице, прокатился по следующему коридору, скользнул сквозь дверь в номер Дмитрия и распался на составляющие.

«Псих» рефлекторно поднес руки к голове, несколькими энергичными движениями прогладил виски, провентилировал легкие – и только после этого осмелился медленно вынуть из ножен свой меч.

Чужой. Незванный гость в его номере. Затаившийся, вооруженный, обладающий психотехническими способностями. Враг.

Шума шагов вошедшего в боевой режим Дмитрия не услышал бы ни один следопыт мира – его попросту не было. Легкое уплотнение воздуха, созданное его волей, поглощало звуки шагов, дыхание, шорох одежды.

Как и ожидал Дмитрий, дверь была заперта. Заперта на два с половиной оборота – классический шпионский трюк из дешевой детективной литературы. Обычный человек такой замок способен запереть только на целое количество оборотов, отпереть же без отмычки не сможет даже подходящим ключом. Незвестный не только проник внутрь, но и старательно уничтожил все следы своей деятельности. Почти. Некоторые следы, специально оставленные Дмитрием и служившие сторожевыми метками, тоже оказались повреждены. Факт уничтожения некоторых припрятанных меток вызвал у Дмитрия тот самый психический ток, а значит, разрушил намерения неизвестного.

Что есть в номере такого, что можно было бы похитить, подсмотреть или уничтожить? Действительно ценного, а не барахла? Все документы Дмитрий хранил при себе, оружие носил на поясе, деньги – в бумажнике.

Остановившись в шаге от двери, Дмитрий забросил в номер еще один разведывательный психотехнический зонд. На этот раз незнакомец действовал осторожнее. Он уже понял, что его присутствие обнаружено, и теперь искал пути к отступлению. Влетевший в номер зонд испарился под хлестким психотехническим ударом. Не мечом, девольгирующим искусственные энергетические структуры, как поступали большинство психотехников, а ответным волеизъявлением, отточенным не хуже меча. Из этого следовало, что незнакомец умен, полон сил, жесток и настроен решительно. Что значит «решительно» в данном контексте, Дмитрий старался не думать. Философия самураев, ориентированная на мысли о смерти, никогда не вызывала в нем восторга.

Дмитрий осторожно сформировал из Воздушной Ловушки отмычку и запустил ее внутрь замка. Два с половиной оборота. Сосредоточившись на механизме, Дмитрий едва не упустил из виду другой источник опасности. От нападения спасли условные рефлексy, выработанные еще в стенах школы. Через щель под дверью в коридор влетело два управляемых врагом предмета.

От одного Дмитрий отмахнулся мечом. Лезвие рассекло предмет надвое, а заодно и повредило управляющую траекторией Воздушную Ловушку. От второго удалось уклониться, только сделав высокий прыжок. Атаковавшие Дмитрия предметы оказались сюррикенами. Вторым сюррикен метнулся вслед за подскочившей к потолку целью, но незнакомец не справился, и остро отточенная металлическая пластина застряла в правом каблуке мишени.

Приземлиться без проблем Дмитрию так и не дали. Стоило ему коснуться ногами ковровой дорожки, как дверь распахнулась и едва не сбила психотехника с ног. Стремительная черная молния пронеслась по коридору, размахивая мечом и еще чем-то, сверкнувшим в тусклом свете газовой лампы. Рука Дмитрия скользнула к висевшей на поясе кобуре. Раньше ему никогда не приходилось стрелять от бедра. К счастью, инстинкт самосохранения распорядился талантом верно. Револьвер выстрелил дважды, в тот самый момент, когда одетый в черное человек ласточкой нырнул в лестничный пролет. Выпущенные напоследок сюррикены оказались сбиты пулями – невероятная меткость, если на секунду забыть, что только что произошло сражение двух Мастеров.

Чуть подрагивающей от избыточного напряжения рукой Дмитрий поднес револьвер к лицу и внимательно осмотрел механизм. Он точно помнил, что трижды нажимал на курок. Быстрый осмотр показал, что о пистолете можно на время забыть: на третьем выстреле револьвер дал осечку, и предназначавшийся человеку в черном патрон застрял в барабане.

– Повезло, – выдохнул Дмитрий, подумав о том, что осечка могла произойти чуть раньше. Затем он вспомнил, каким грохотом сопровождалась выстрелы, и удивился, что никто из пассажиров до сих пор не выскочил в коридор. Осторожность? Или психотехническая наводка, позволяющая погрузить спящего человека в такой глубокий сон, что в течение суток разбудить его не сможет никто. Думать о том, что все пассажиры первого класса мертвы, не хотелось. Стиль человека в черном не предусматривал ненужных убийств.

«Псих» встал на колени, вытащил из каблука сюрικен и взвесил его на ладони. Тяжелое, замечательно сбалансированное оружие. Металлическое – наверняка для попутного уничтожения всех встречаемых на пути Воздушных Ловушек, сигнальных меток и тому подобных энергетических конструкций. Найдя остальные сюрικены, Дмитрий выбросил два поврежденных в корзину для мусора, а пару целых положил себе в карман. На всякий случай.

Теперь можно было переходить в контрнаступление. Приготовившись наткнуться на гору трупов, Дмитрий подкрался к кают-компани, проверил ее зондом и несколько успокоился. Люди по-прежнему играли в карты, пили алкогольные напитки и бессвязно рассказывали друг другу какие-то лишние всяческой морали истории.

«Господи, я же стрелял дважды», – с тоской подумал Дмитрий, когда осторожно подошел к входу в кают-компанию. Это каким же надо быть мастером, чтобы заставить хотя бы одного человека игнорировать прозвучавший в десятке метров от тебя выстрел! Или...

Приступ озарения продолжался. Когда Поликарп Матвеевич прививал ученикам навыки стилевидения, Дмитрию эта сторона психотехнического мастерства не давалась. Сейчас же вся наука пошла впрок. Синтез аналитического мышления и недоразвитого стилевидения породил догадку. Страшную догадку.

«Рискну», – подумал Дмитрий и в два прыжка оказался на пороге кают-компани. Перед глазами мелькнуло черное пятно. Трофейные сюрικены отправились в полет, снова от бедра, как будто в сознание российского психотехника вселился дух техасского рейнджера. Дмитрий вложил всю накопившуюся кинетическую энергию в единственный удар.

Стоп-кадр.

Небольшой зал с низким потолком, тусклое освещение в виде семи небольших газовых ламп. Через большое – во всю дальнюю стену – окно видны массивные трубы какого-то завода, клубы сизого дыма, разлетающиеся в разные стороны под влиянием ускоряющей ход дирижабля Воздушной Ловушки.

В помещении беспорядок. Стойка бара залита «Кровавой Мэри» в вампирском исполнении – настоящей русской кровью с настоящей русской водкой. И то и другое стекает на пол, впитывается в бурый ковер. Цвет ковра при этом не меняется, что не может не наводить на размышления. Источниками коктейля являются многочисленные разбитые бутылки, четыре молодых человека и бармен. Из шеи у бармена торчит кончик сюрикена, голова одного из посетителей лежит под пивным кеглем, отдельно от тела. Голову заливают тонкая струйка светлого пива.

В противоположной стороне комнаты тоже беспорядок. Карточный стол опрокинут, тела игроков в живописных позах лежат вокруг него. Ассигнации и монеты хаотично устилают половину кают-компани.

Диванчик для отдыха пуст, но изрезан в трех местах. При взгляде с порога труп известного банкира не виден. Он лежит за диваном. В руке банкира кольт – впрочем, так и не выстреливший ни разу.

Центральными фигурами, несомненно, являются двое. Первый – мужчина лет тридцати со странным безмятежным выражением лица. Ни пиджак, ни модные брюки не стесняют его движений, хотя отчего-то становится понятно – этот человек привык к другой одежде, более свободной.

В руке у мужчины длинный прямой клинок. В свете газовых ламп его меч создает приятные для глаз блики, только вот любоваться ими сейчас некому.

Второй – таинственный незнакомец в черном облегающем костюме. На голове незнакомца капюшон, закрывающая нижнюю часть лица маска и очки-консервы. На поясе, тоже черном, странные приспособления, в руках – катана.

Между ними – в воздухе – по законам Стоп-кадра застыли четыре сюррикена. Два из них, запущенные соперниками, меньше чем через терцию столкнутся и отлетят в глубину коридора. Еще один, запущенный человеком в черном, скорее всего окажется отбит клинком мужчины в пиджаке. Судьба последнего неизвестна, хотя у него есть шансы попасть в цель.

Соперники уже бросились в атаку. Когда Стоп-кадр завершится, их клинки встретятся. И начнется бой.

Ксения проснулась резко. Разом и полностью – как будто кто-то взял и перенес ее из мира снов в самую настоящую явь. Настоящую. С недавних пор настоящесть окружающего мира стала для Ксении особенно важной. Тягостные воспоминания прошлого и гнет будущих времен вынудили девушку жить сегодняшним днем, не строить никаких долгосрочных планов, не думать ни о чем, так или иначе связанном с футуроскопией. Тогда, в первый день, она совершила ошибку – заглянула в свое ближайшее будущее, руководствовалась видениями, победила почти всех учеников Поликарпа Матвеевича, но едва не умерла сама. Теперь она понимала, что оказалась во власти петли времени, удивительного парадокса, иногда упоминаемого православной церковью в качестве доказательства Божественного Провидения. Ксения видела себя будто со стороны и действовала в точности, как показывали видения. Кто принимал решения во время боя? Если не она, то кто?

Профессор Воронин, навещавший девушку сразу после того, как она пришла в сознание, смущенно улыбался и неуклюже уклонялся от ответа на этот вопрос. А после того как Ксения задала его в третий раз – позвал Поликарпа Матвеевича, чтобы тот приказал своей ученице больше не думать о философских головоломках. А как тут не думать, ведь известно же, что мыслям не прикажешь!

Откинув в сторону одеяло, Ксения поняла, что сегодняшний день – особенный. Особенным было утро, встающее над горизонтом солнце, освещавшее прикроватную стену, геометрический узор обоев и портрет Александра Пятого, еще молодого, сразу после коронации в 1961 году. И стена, и обои, и изображение императорской особы – все выглядело особенным, освобожденным от неясных, угнетающих психику элементов. Ксении хотелось подбежать к окну, пропрыгать на одной ноге к умывальнику, на другой – к платяному шкафу и сделать сальто-мортале.

Что-то неведомое, давившее на душу несколько дней кряду, ушло в небытие. В самое настоящее небытие. Настоящее, настоящее, настоящее! Кануло, минуло, покинуло, бросило – утонуло в прошлом, чтобы никогда оттуда не всплыть.

«Кажется, я поправилась и могу приступать к занятиям, – подумала Ксения, приводя себя в порядок. – А значит, мое участие в тренировках перестанет сводиться к пробежке и дыхательным упражнениям. И заносчивый Пашка узнает, как фехтуют в Сибири. По-настоящему, без хитростей. По-настоящему».

Вольт на поясе перестал быть игрушкой, символом, Указывающим на принадлежность к «психам»-ученикам. Хотелось выхватить его из-за пояса и фехтовать. Удивительное и головокружительное ощущение, напоминающее раннее детство своей чистотой.

По лестнице Ксения слетела, практически не касаясь ступеней. Существовал такой прием, не требующий психотехнических умений, позволяющий скользить рукой по перилам и прыгать через весь лестничный пролет. Чувство полета пьянило. Ксении хотелось летать, хотелось пронзить небо и посмотреть на земную поверхность с большой-пребольшой высоты.

Спуск-полет завершился мягким приземлением. Прыгать таким образом Ксению научил Константин. Этим утром девушка была совершенно уверена в том, что ее брат жив.

Еще вспомнился Николай, гордящийся своим новым мечом, но старающийся сдерживать чувства. Везет же ему! Стать психотехническим мастером на воздушном корабле когда-то

мечтала и Ксения, пока отец не сказал ей, что женщин в экипаж кораблей не берут. Примета, видите ли, плохая.

В тренировочном зале она встретила разминающегося Пашку и четверых младших учеников, пытающихся соорудить свои первые, самые примитивные Воздушные Ловушки, больше всего похожие на рукотворные сквозняки.

– Доброе утро! – поприветствовал ее старший ученик, подтягиваясь на левой руке. Правая рука раскручивала вольт, хаотично меняла позиции, периодически рассекая накатывающее волнами Намерение. – Хорошие новости!

– И тебе доброго, – кивнула Ксения, еще не решившая, стоит ли ей доставать из-за пояса вольт.

Поликарп Матвеевич говорил ей, что, пока энергетический баланс организма не придет в норму, о психотехнических приемах можно позабыть, но так хотелось швырнуть в Пашку стремительной Воздушной Ловушкой и посмотреть, сумеет ли он отразить нападение. Фехтовать без чтения Намерений, легких фантомов и тому подобных вещей Ксения не любила. Что ни говори, а боевые искусства на материальном плане – занятие мужское. Это мужчинам испокон веков было интересно рубить друг друга на куски, бросать в бой многотысячные армии, отправляться в боевые походы и возвращаться из них под конвоем, как это случилось с Наполеоном.

Совсем иное дело – психотехнические хитрости. Ксения подозревала, что умение читать человеческие Намерения встречается у большинства женщин, даже у тех, кто с треском провалил тест Яблочкова – не сумел усилием воли погасить электрическую лампу.

– Сегодня сэнсэй получил письмо из Департамента психотехники. – Видя, что девушка не спешит его расспрашивать, Пашка решил поделиться новостями самостоятельно.

– Откуда узнал? – удивилась Ксения.

Она жила в этом доме меньше недели, но порядки в школе уже успела изучить. Архипов обо всех новостях из внешнего мира сообщал сразу после завтрака, пока все сидели за общим столом.

– В обеденном зале нашел сургучную крошку, – признался Пашка. – Под стулом сэнсэя. Следовательно, ранним утром, пока мы спали, почтальон доставил ему официальное письмо. Сэнсэй вскрыл его тут же, не заходя в кабинет. Следовательно, отправитель ему известен и новости обещали быть хорошими. После плохих новостей Поликарп Матвеевич обычно приходит сюда и отводит душу вон на той макиваре. Я внимательно осмотрел ее и никаких свежих следов не нашел. Памятуя о том, что давеча сэнсэй упоминал о Департаменте психотехники и необходимости официально оформить тебя в школе, можно сделать соответствующие выводы. Дедукция!

Уличная дверь тихо скрипнула, впустив внутрь порцию холодного зимнего воздуха и одетого в легкий тренировочный костюм Бориса. Сохранять тепло ученику помогала сложная система Воздушных Ловушек – личное изобретение и гордость. У психотехнической шубы имелся один недостаток – Воздушные Ловушки повреждались, когда какой-нибудь обладатель меча или вольты проходил мимо. Задетые металлическими предметами элементы невидимой шубы девольтировались, растворялись в пространстве легкими воздушными потоками, а теряющая энергетическую сбалансированность шуба распадалась на составляющие, порождая самый настоящий вихрь. Предыдущим вечером поврежденная шуба разметала только что сложенную Афанасием поленницу, два дня назад только сэнсэй, мгновенно нейтрализовавший воздушные потоки, предотвратил вылет стекол из окон мансарды.

– Прежде чем входить, сними верхнюю одежду, – бросил Борису подтягивающийся Пашка.

Младшие ученики в нерешительности замерли. Возможностей справиться с Ловушками такой мощности у них пока не имелось.

– А я и входить не буду, – ответил ему Борис. – Сэнсэй поручил мне передать сообщение для Ксении. Профессор Воронин приехал, через полчаса Поликарп Матвеевич ждет тебя в своем кабинете.

«Чудесный и удивительный день, – подумала Ксения. – Волшебный и настоящий».

Дверь за Борисом плавно закрылась. Отсутствие скрипа показалось девушке подозрительным, и она прислушалась к происходящему на улице. Впрочем, особо прислушиваться не пришлось. Завывания внезапно возникшего ветра и тягостные стоны могли означать только одно – великолепная шуба вновь распалась на составляющие.

От соприкосновения клинков родились и моментально угасли крохотные яркие искорки. Отбитый Дмитрием сюрикен изменил направление полета, царапнул по манжете и улетел в коридор. Два сюрикена столкнулись в воздухе, последний разорвал черный костюм незнакомца и отскочил от ребра. Сознание Дмитрия зафиксировало это, просчитало шансы на победу и огорчилось, узнав, что их мало. Незнакомец был профессионалом – мастером, если не гроссмейстером. Исходящее от него Намерение представало перед Дмитрием дождем мелких осколков. Время от времени в этом дожде всплывали четкие образы, но Дмитрий уже догадался, что это обманные фантомы, и не обращал на них внимания.

Второй удар удалось отразить чудом. Противник попытался силой пробить защиту. Третий удар! Четвертый! С каждым отраженным ударом Дмитрия отбрасывало назад – сначала в коридор, затем к лестнице, ведущей наверх, к каютам первого класса.

Темп атак полностью исключал использование психотехнических приемов. Времени хватало только на то, чтобы понять: до лестницы осталось восемь шагов. Пять. Три...

На лестнице Дмитрия ждала смерть. Он уже знал, как именно встретит смерть, – этот образ в Намерениях незнакомца не дробился на куски, лишь, по мере того как тот изучал возможности Дмитрия, становился ярче и четче.

«Глупая и нелепая смерть», – думалось Дмитрию. Мысли приходили и уходили, совершенно неподконтрольно, легко и свободно. Сознание странным образом расщепилось: пока одна часть отчаянно боролась за жизнь, другая впала в созерцательное состояние, практически смирилась с неизбежностью и теперь наслаждалась неожиданной свободой.

Шаг назад. Предпоследний шаг. Человек в черном слегка снизил скорость атак – то ли нанесенная сюрикеном рана доставляла ему беспокойство, то ли просто решил, что противник не стоит таких усилий. Лишние секунды жизни... лишние? Ничуть! Дмитрий заставил тело забыть об усталости, о нехватке воздуха, одежде, которая не была приспособлена для фехтования. Шансом следовало воспользоваться, контратаковать, искать слабые места, верить в чудо или помощь со стороны. Есть же на «Ломоносове» еще «психи», дежурная смена, служба газового контроля, наконец...

Серия выпадов, совершенно безумная, не предусматривающая никакой защиты в конце последнего приема, заставила незнакомца отступить на шаг. Спокойно отступить, расчетливо. Незнакомец знал, чем завершается эта серия, и теперь терпеливо ждал момента, когда можно будет отрубить голову своему сопернику.

Сюрикен прилетел неожиданно. Тонкая металлическая пластина в виде шестилучевой звезды возникла в пространстве боя, когда задыхающийся Дмитрий бездарно смазывал последний выпад в серии. Вылетев из-за правого плеча человека в черном, сюрикен беспрепятственно преодолел расстояние между сражающимися.

Субъективное время Дмитрия растянуло отрезок в половину объективной секунды до целой минуты, не меньше. Незнакомец, уже замахнувшийся для завершающего удара, покачнулся и замер в нелепой позе. Он тоже наблюдал за полетом сюрикена – удивленно, с какой-то неясной обидой. Судя по волне исходивших от него Намерений, растяжение времени коснулось и его.

«И ни отбить, ни увернуться», – с тоской подумал Дмитрий, когда шестиконечная звезда распоролла нагрудный карман пиджака, лежавший в кармане платок, еще какие-то вещи...

Точно в сердце. Меткое попадание, из числа таких, после которых за человеком прочно закрепляется репутация мастера. «Как же так получилось», – думал Дмитрий, позволяя инерции увлечь себя в сторону, вслед за мечом. Медленно увлечь, запоздало.

Незнакомец тоже стал крениться вперед, разворачиваться лицом к новой опасности и падать на пол. По мере того как он разворачивался, становилось ясно, что это не боевой прием, а самое настоящее бесконтрольное падение.

Сжатая пружина времени распрямилась, вызывая тошноту и головокружение. Дмитрий больно ударился головой о перила, локтем об одну из ступеней, скатился на пол и едва не вывихнул запястье в попытке удержать меч.

Человек в черном свалился рядом, его катана в последний раз лязгнула по мечу «психа» и замерла. Исходившие от незнакомца волны Намерений как-то незаметно спутались, затихли и слились с корабельным фоном.

– Как-то это не похоже на классическую смерть, – прохрипел Дмитрий, подползая к стене, возле которой еще сохранилась газовая лампа.

Сюрикен во что-то воткнулся и не пожелал высвободиться, пока его не расштатили из стороны в сторону. Во внутреннем кармане, нервно улыбаясь спасению от смерти, Дмитрий нащупал пухлый бумажник с ассигнациями, распоротый практически полностью, до отдела с монетами.

– Дмитрий Никанорович... то есть, я хотел сказать, Тихон Андреевич, простите, пожалуйста, – раздался из темноты срывающийся голос юного подмастерья. – Я не хотел в вас попасть, я даже прицелился как следует, но эти звездочки... они были деформированы и полетели по какой-то совершенно дикой траектории, все три. Простите меня, пожалуйста...

Новости в «Мнимую единицу» приходили отовсюду. Километры пневматических труб, зачастую вплетенные в посторонние коммуникационные системы, ежедневно доставляли Артуру сотни шифровок. Большую часть Артур скармливал электрическому шкафу и даже не интересовался содержимым присланного. Шкаф удовлетворенно гудел, внутри него шелкали реле, на лицевой стороне дружелюбно горели зеленые лампочки. В такие моменты Артур сидел в кресле-качалке, перечитывал Кэрролла и следил за тем, чтобы из шкафа не пахло паленым. Участие человека в функционировании «Мнимой единицы» сводилось к контролю за исправностью этого автомата. Редкие моменты, когда приходилось самостоятельно принимать решение, Артур воспринимал как наказание за грех изобретательства. Электрический шкаф не обладал интуицией и не умел принимать решения при существенной нехватке информации по вопросу. В остальных вопросах его выводам можно было доверять. Обладая правом задать любой вопрос любому британскому полковнику, экономисту, политику или академику, ящик нисколько не стеснялся это право использовать – успевай только заправлять ленту в шифровальный механизм и отсылать ее в неведомые дали по пневмопочте.

Тихий звон колокольчика оповестил Артура о том, что засунутая полчаса назад лента полностью расшифрована и текст сообщения касается «Посейдона».

На этот раз ответа Мерлина пришлось ждать около пяти минут.

– Разбудил? – высказал свою догадку Артур. Вообще-то на не относящиеся к делу темы разговаривать было запрещено, но, во-первых, все равно никто их разговоры не прослушивает – уж слишком они секретные, а во-вторых, как не проникнуться симпатией к такому же узнику, как ты сам? И пусть ты – инженер, а он психотехнический гроссмейстер класса «Архимаг», общего все равно оказывается больше. Парадоксально, но факт.

– Почти угадал, – хмыкнул в ответ Мерлин. – Я разговаривал со своими агентами. У меня есть для тебя интересные новости.

– Разговаривал с агентами? Но режим секретности...

– Не лично, – перебил Мерлин. – Во сне. Есть такая психотехническая практика, из колумбийской системы. Тыходишь в транс и общаешься с другими людьми. Масса дополнительных условий, ограничений и неприятных побочных эффектов. Тебе бы не понравилось.

– Не понравилось бы, – согласился Артур и даже зачем-то кивнул.

Нет, он ничуть не сомневался, что Мерлин способен дотянуться своими силами до «Мнимой единицы», но вот только по инструкции делать этого не разрешалось ни при каких обстоятельствах. Даже эфемерное присутствие гроссмейстера могло превратить всю электромеханику объекта в бесполезный хлам. Артур и так замечал, что количество неполадок в автомате после продолжительных разговоров с Мерлином резко увеличивается.

– Итак, – перехватил инициативу «псих». – Твой дорогой Никола Тесла, а вместе с ним и наш объект «Посейдон» ускользнули от бомбардировки эскадры РикOVERA. Как они при этом ухитрились еще потопить два японских корабля – не представляю. Могу сказать только, что это было эффектно. До того эффектно, что стоило бы радоваться происходящему, если бы при этом, в нарушение принятых нами конвенций, не были обстреляны и шлюпки с эвакуирующимися японскими экипажами. К счастью, технические характеристики «Посейдона» настолько превосходят воображение наших противников, что мысль о субмарине с такой автономией пока что не приходит в их головы. Только это спасает нас от обвинений в военных преступлениях.

Артур содрогнулся. Несколько лет назад, когда членом испанского правительства пришла в головы замечательная мысль по образу и подобию Британии вернуть себе утраченные американские колонии, никто и не думал, во что это может вылиться. Обвинение Испании в массовых нарушениях международных норм ведения боевых действий всколыхнуло весь мир. Такого экономического кризиса Испания не знала со времен золотых галеонов. Боевые действия захлебнулись из-за народных волнений дома и катастрофического падения курса испанского реала на всех мировых биржах.

– Японцы пытаются воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы оказывать давление на Россию, – заметил инженер. – Я получил сведения о том, что во Владивосток направлена специальная дипломатическая миссия. Стоит тихоокеанской администрации пойти хотя бы на незначительные уступки – это будет воспринято как повод усилить давление, обращаясь непосредственно к Александру Пятому.

– Если бы «Посейдон» не нарушал конвенций, у него оставалась бы возможность выйти на бой против японцев под британским флагом, – заметил Мерлин. – Так что нам в какой-то степени остается только радоваться подобному обороту событий. У нас появилась возможность перевести взаимодействие с «Посейдоном» в легальное русло. Я рекомендую дипломатическому корпусу империи официально осудить действия неизвестного пирата и намекнуть на его японское происхождение.

– Японское? – удивился Артур. Идея с дипломатами приходила и ему, но без таких коварных деталей.

– Разумеется японское, – подтвердил Мерлин. – В ответ Японии придется открыто заявить о потопленных броненосцах и попытаться выставить ответственной за все Российскую империю. Подобный шаг будет расценен как недружелюбный, что подтолкнет Россию к нам. Кроме того, у нас появится возможность создать трехстороннюю комиссию по расследованию этого вопроса, и все поиски «Посейдона» станут вестись под наблюдением наших специалистов. А уж они не допустят утечки лишней информации.

– Схема прикрытия прежняя? – кисло улыбнулся инженер, вспоминая немногочисленные случаи масштабной утечки передовой технической информации.

В голосе Мерлина слышалась нескрываемая ирония.

– Прежняя. Вариант «Безумный изобретатель».

IV

Прибывший на место происшествия следователь был хмур. Присутствовавший при осмотре Николай тщетно пытался понять, что именно является причиной подобного настроения – обеспечивающий повышенную секретность эскорт военных психотехников, смерти известных и богатых людей или то, что убийца оказался иностранцем.

– Американец, прости его господи, – констатировал доктор, осмотрев покойного. – Из восточных районов материка, может быть даже из самой Калифорнии.

Услышав подобную характеристику, Дмитрий поморщился. Многие фельетонисты сравнивали Северную Америку с Вавилоном. Такое же столпотворение, утверждали они, умопомрачительная мешанина из языков, обычаев и законов, в которой растворяется все разумное и уместное. Даже попытки нового строительства вавилонской башни видели газетчики в заокеанских сообщениях о новых небоскребах Нью-Йорка.

В замечаниях фельетонистов имелось рациональное зерно, как обычно присыпанное сверху цветастыми фразами и дурацкими метафорами. В Северной Америке можно было встретить кого угодно. Посмотри на Аляску – наткнешься на алеутов, на представителей едва ли не всех национальностей, обитающих в Российском государстве, на сбежавших от британского владычества республиканцев, в конце концов. А рядом с Аляской и вовсе смешение народов – Канада. Десятки уцелевших индейских племен – обладателей интересных, но совершенно непонятных белому человеку психотехнических талантов, французы, полный набор представителей народов, населяющих Британскую империю, негры, китайцы, покинувшие родину после японской оккупации...

По сравнению с этими районами центральные районы Северной Америки выглядели однородно населенными. На Атлантическом побережье – законопослушные британские подданные, на Тихоокеанском – мятежная Калифорния, жалкие остатки несостоявшегося величия Соединенных Штатов Америки, предпочитающие британскому завоеванию тихое увядание в качестве протектората Страны восходящего солнца. В центральные районы материка регулярно уезжали охочие до сенсаций репортеры. Там велась странная британо-японская война и царила обывательская анархия, при которой население слушалось (или не слушалось – по своему усмотрению) местных шерифов, не платило никому налогов и считало своим долгом хоть раз в жизни набить морду приезжему. На фоне всех этих разборок относительно спокойным и стабильным считался только Техас, давным-давно объявивший о своем нейтралитете и теперь безуспешно пытающийся стать американским вариантом Швейцарии. Так что национальность убитого скорее делала расследование еще более запутанным, нежели хоть что-то проясняла.

– Ниндзя? – предположил Дмитрий, вспоминая слухи, ходящие по тихоокеанской администрации.

Приметы совпадали: черный костюм, катана, сюрикены. Боевая психотехника и безжалостность. В Европе об этих наемных убийцах знали только по редким журналистским статьям, в которых вранья было не в пример больше, чем правды. Поверить в их сверхъестественные способности мог только доверчивый читатель... или тот, кому довелось выжить после встречи с одним из ниндзя.

– Американский, – усмехнулся доктор. – Дешевка. Их можно встретить по всему миру. За деньги готовы на все. По-моему, даже на суицид. Кто-то очень сильно невзлюбил вас, Тихон Андреевич.

– Полтора миллиона долларов или около того, – заметил следователь. – Средняя стоимость заказного убийства за границей. Это около двух тысяч рублей по последнему курсу. Так что вы, батенька, поосторожнее там, на Востоке. После первой неудачи заказчик, как правило,

нанимает действительно качественных профессионалов, иногда даже японских. И тогда уже все. Снимай мерку, полезай в гроб и гадай, кто поспеет раньше – убийца или священник.

Дмитрий осторожно посмотрел на Николая. Юноша стоял возле двери, эту стойку Поликарп Матвеевич считал подходящей для общественных мест. Показная расслабленность, подчеркнутая безобидность сочеталась с повышенной концентрацией внимания. Дмитрий чувствовал, как Николай осматривает каждый уголок, каждый предмет. Сначала визуально, затем психотехнически. Тщательно до одурения. Интересно, зачем ему держать в памяти весь этот кровавый коллаж?

– Записей об этом человеке в полицейском управлении Москвы не имеется, – заявил следователь, вставая на колени перед диваном. – У меня фотографическая память на лица, картотеку помню наизусть, сводки просматриваю раз в неделю. Так что и тут тупик. Паспорт на имя Полиграфа Полиграфовича, поддельный. Качественная одесская подделка, только вот и это не след.

Под диваном обнаружили газовую зажигалку, десяток крапленых карт и чей-то монокль.

– Заказные убийства, – продолжал следователь. – Это бич эпохи. В былые годы люди не доверяли реализовывать свои агрессивные желания другому. Терпи или делай сам. Эх, зря все-таки в Европе дуэли запретили. Мелкий с тех пор народ пошел, с гнильцой.

– А в этой самой Америке дуэли до сих пор распространены, – возразил доктор, отвлекаясь от записи в блокнот причин смерти бармена. – И народ там ничуть не лучше нашего. Не в дуэлях дело и не в рыцарских кодексах. Грязь внутренняя происходит от грязи внешней. И наоборот. Посмотрите на то, как чадит труба какого-нибудь завода – она производит не только товары, но и злых людей. Люди дышат грязью, пьют грязь, видят вокруг тоже грязь. Так откуда взяться чистым нравам?

Дмитрий вспомнил серые контуры московских домов, горожан, предпочитающих одежду темных цветов, усталые лица шереметьевских грузчиков, загружавших «Ломоносова» углем в дорогу.

– Изнутри, – буркнул следователь, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от пыли. – Нравственная чистота всегда берется изнутри. Потому как наружная нравственность это лицемерие и обман. Вот посмотрим на нашу знаменитость...

Кивок в сторону носилок, на которых лежало тело погибшего банкира.

– Его дважды называли самым честным человеком города, в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом и в тысяча девятьсот восемьдесят девятом годах. Газетчики перевозносили его на все лады, вкладчики гордились тем, что теперь их деньги в надежных руках. И что же мы находим у покойного в карманах? Две колоды крапленых карт! Покойный не любил проигрывать, а тот, кто мухлюет в игре, нечист на руку и в жизни. Вот вам и наружная нравственность.

«Не буду спорить, – подумал Дмитрий. – Начнешь спорить – обязательно скажешь или глупость, или гадость. Так уж повелось в наших спорах. На стороне добра выступает глупость, а зло подпитывается от правды. Люди...»

Дмитрий полагал себя мизантропом. Вдали от западной цивилизации, от театров, выставок и прочей общественной жизни умеренная мизантропия выглядела благородно. В Петербурге мизантропии был нанесен культурный удар, в Москве – удар этический. Считать себя человеком нормальным, добрым, качественным – не каким-то там человекоподобным – и при этом не любить людей оказалось невозможно. Грязь вокруг и нравственность изнутри. И следователь, и сопровождавший его доктор, так похожие вместе на персонажей Артура Конан-Дойла, были правы.

Дмитрий посмотрел на прислушавшегося к разговору Николая. Юноша слушал и не слышал того, что сумел услышать он, взрослый психотехник, страдающий от мизантропии. Стоило взглянуть на людей, на незнакомых, субъективно безымянных людей и спросить себя – правда

ли, человечество можно любить? Заслуживает ли оно любви каждого из нас, или же только всепрощающий и всевидящий Господь способен глядеть на него без отвращения?

«Проверю, – подумал Дмитрий. – Обязательно проверю. На первой же остановке после Москвы».

Так получилось, что Ксения была уже знакома с профессором Ворониным. Сергей Владимирович присутствовал в школе, когда она приходила в сознание после трехсуточного обморока, внимательно следил за состоянием защитных восковых свеч в ее комнате, тщательно вглядывался в висевшее возле входа зеркало и вообще – постоянно смотрел куда-то не туда. Даже когда его взгляд вроде бы пересекался с чужим, нельзя было с уверенностью сказать, что именно видит в этот момент Воронин – настоящее или же один из вариантов будущего. Чувство это для человека непривычного, а тем более для незнакомого с Мастерством было не из приятных. Наверное, потому Сергей Владимирович предпочитал повсюду носить темные очки, которые надевал при первых признаках дискомфорта у собеседника.

– Я смотрю, ты уже оправилась от того прискорбного случая, – заметил Воронин, стоило Ксении появиться на пороге кабинета сэнсэя.

Когда профессор успел рассмотреть румянец на ее лице и горящие от предвкушения чего-то хорошего глаза, девушка не знала. Футуроскопия. Заманчивая, коварная психотехническая дисциплина. Лежащая на грани между настоящим и всем остальным.

– Мы хотели тебя поздравить, – поспешно произнес Поликарп Матвеевич. Он явно не хотел, чтобы хорошую новость между делом сообщил Воронин. По мнению сэнсэя, хорошие новости были достойны торжественного окружения, отдающего театральностью и сопровождаемого положительными эмоциями. – Сегодня пришло разрешение обучать тебя здесь. Отныне ты – ученица Мариенбургской частной школы психотехники. Ура!

С речью Поликарп Матвеевич постарался на славу. Он как будто и не повышал голоса, но последние фразы прозвучали как-то весомо, а заключительное «ура» даже сопровождалось трехкратным эхом.

– Мне поручено обучать тебя футуроскопии, – воспользовался драматической паузой сэнсэя профессор Воронин. – Я надеюсь, что в будущем ты станешь одним из мастеров этого редкого искусства. А пока буду регулярно, дважды в неделю, приходить к Поликарпу Матвеевичу в гости или – а это случится не раньше весны – стану приглашать тебя в Университет. У меня там оборудован неплохой тренировочный кабинет.

Собственный учитель футуроскопии! О такой роскоши Ксения не смела даже мечтать. Пределом ее желаний было разрешение посещать лекции Воронина по этому предмету, пускай в составе целой группы или даже потока. Искусство футуроскопии действительно считалось одним из самых редких. В приграничном городке, где Ксения провела все свое детство, не проживало ни одного мастера или подмастерья футуроскопии. Первый ее сэнсэй рассылал письма по соседним населенным пунктам, но способных заглядывать в будущее «психов» не встречали и там. Бабка Прасковья шестидесяти двух лет от роду в расчет не принималась. Прасковья никогда не обучалась психотехнике. Контролировать свои провидческие способности она научилась только в сорок шесть лет, после того как поняла, что после обильного принятия внутрь ядерного сибирского самогона изо рта исторгается не полный бред, а точные предсказания, перемежаемые жалобами на погоду и родственников.

Выбор между Прасковьей и лицензированным преподавателем Государственного Университета психотехники родители сделали мгновенно.

– Как осень наступит, так сразу и поедешь! – хлопнул ладонью по столу отец, и на этом все сомнения в семье пресеклись на корню.

Планы нарушило кошмарное нападение на гарнизон. Сколько еще она будет вспоминать тот день? Всю жизнь? И что страшнее – помнить или обрести успокоение в забвении?

– Собственно говоря, – донесся до Ксении голос Воронина, – самое первое занятие мне бы хотелось провести с тобой прямо сейчас. Ты не возражаешь?

Положительно, сегодняшней день по концентрации чудес на единицу времени выходил на первое место. В ежегодном зачете, а может, и в многолетнем.

– Я пока пройду в тренировочный зал. – Еще до того, как девушка смогла подобрать слова, Поликарп Матвеевич встал из-за стола. – А то эти ученики снова придумают очередную фуфайку из воздуха...

– Садись, – попросил Сергей Владимирович и даже пододвинул Ксении только что оставленный сэнсэм стул. – Для начала нам надо серьезно поговорить.

Письмо догнало меня в Перми. Поскольку «Михайло Ломоносов» стал местом преступления, нам с Тихоном Андреевичем пришлось пересесть на «Владимира Вернадского», более скоростного, но менее комфортного. Впрочем, после того происшествия меня в кают-компанию можно было затаскать только силком. Образ погибшего бармена преследовал меня во снах. Если бы моим соседом по-прежнему оставался впавший в запой, вечно храпящий во сне сибирский промышленник, шокотерапия от моих ночных вскрикиваний могла бы ему помочь. Неоднократно я просыпался оттого, что мой собственный крик оказывался слишком громким для дальнейшего сна. Кульминацией ночных кошмаров стало письмо Поликарпа Матвеевича.

«Дорогой мой ученик, – писал сэнсэй. – Ты, верно, пытаешься догадаться, отчего мне вздумалось отправлять письмо тебе вслед, практически сразу после твоего отлета. На самом деле я тоже не вполне понимаю причины своего поступка. Однако постараюсь быть последовательным и рассказать всю историю от начала и до конца, насколько она мне известна.

Ты, конечно же, помнишь, что Ксения попала в ловушку футуроскопии, впадала в бессознательное состояние на трое суток и только счастливый случай помог привести ее в чувство. Это та отправная точка, с которой я начну рассказ.

Во вторник ты ушел в Университет оформлять сертификат психотехника, а мы, проведя облегченную тренировку на воздухе, стали тебя ждать. Ксения в это время спала у себя в комнате, уже нормальным здоровым сном, которым спят для восстановления затраченных во время болезни сил. Я находился в своей спальне, через стенку от нее. Именно тогда мне удалось услышать, как, пребывая во власти какого-то кошмара, Ксения выкрикивает слова. Не просто одиночные слова, а целые фразы, на первый взгляд бессмысленные и бессвязные. После пробуждения она не помнила, чтобы ей снились какие-либо сны. С человеком такое случается довольно часто, но не тогда, когда снится кошмар. От кошмаров людям свойственно просыпаться, особенно если перед этим они кричат.

Последующие дни, когда ты собирался в дорогу, кошмары продолжались. К тому моменту Ксения уже набралась сил, чтобы выходить наружу, а потому сны приходили к ней только по ночам. Сны и слова. Я, на всякий случай, стал вести записи. Главным образом для того, чтобы впоследствии обсудить их содержание с Ворониным.

В ночь, предшествовавшую твоему отлету, эти записи пополнились твоим именем. Ксения неоднократно повторяла его, как в составе фраз, так и отдельно, через небольшие паузы. Тогда я отнес причину этого феномена к царившему в школе ажиотажу. На следующую ночь кошмары стали сильнее. Фактически они шли без перерыва с полуночи до четырех часов утра. Все это время Ксения металась в бреду, кричала, но не просыпалась. Именно тогда я понял, что ее кошмары – не последствия шока, а результат какого-то подсознательного футуроскопического процесса.

Собрав воедино все записи, я могу сделать вывод, что фокусом неосознанной футуроскопии стал ты. Отчего получилось именно так, а не иначе, возможно, скажет профессор Воронин. Я пока его не спрашивал, но сегодня же обязательно спрошу.

Может показаться странным, что я рассказал тебе эту историю, заинтриговал, но не дождался сегодняшнего вечера и отправил письмо раньше времени. Надеюсь, что тебе действительно сейчас непонятно, отчего я так поступил.

Дело в том, что я опасаясь за твое будущее. За то будущее, которое состоится в реальности, а не в футуроскопическом видении. Потому я, на правах твоего учителя, беру на себя ответственность за некоторый фрагмент твоего будущего. Данное письмо уже фактом своего существования обязано изменить ход времени, превращая ночные кошмары Ксении в обычные дурные сны. Все, что требуется от тебя, – дочитать письмо до конца. В каких бы обстоятельствах тебе ни пришлось бы это делать – обязательно дочитай. Больше я не прошу тебя ни о чем.

Тебе известно, что дар футуроскопии представляет опасность не только для своего обладателя, но и для тех людей, которых этот обладатель знает. Я могу ошибаться, и увиденное Ксенией будущее не имеет к тебе прямого отношения. Сейчас это не важно. Всегда полезнее перестраховаться, нежели потратить остаток жизни, кусая локти от досады.

Помимо тебя в кошмарах фигурировал какой-то Тихон или Дмитрий. Если в твоём нынешнем окружении есть люди с такими именами, будь начеку. Они на твоей стороне, но само их существование говорит о том, что опасность реальна и близка.

Опасность исходит от какого-то черного человека. Словосочетание «черный человек» повторялось едва ли не чаще всех остальных. Мне неизвестно, имелся в виду действительно человек черного цвета или же это какой-то устойчивый образ подсознания, какая-то метафора. Если черный человек реален – остерегайся его! В том будущем, которого необходимо избежать любой ценой, он убьет множество людей. Отчего-то все эти люди называются Ксенией словами на букву «б». Странные игры подсознания, не иначе. Сомнительно, чтобы жертвами стали одновременно барон, банкир, букмекер, букинист, бакалейщик, бармен и четверо бакалавров.

Поскольку ты, став подмастерьем, тоже в какой-то степени бакалавр – смерть грозит и тебе. Будь предельно осторожен! Проверь намерение каждого, в ком заподозришь его принадлежность к категории «черных людей». Надеюсь, этот совет тебе пригодится.

Да, еще несколько деталей, они могут оказаться полезными. Ксения произнесла несколько фраз, смысла которых я так и не понял. Приведу их полностью, не пытаясь расшифровать.

Первая фраза: «Чтобы спастись, попади другу в сердце». Она повторялась дважды, настойчивым голосом. Вторая фраза звучит так: «Смерть врага вернется к нему сзади». Я надеюсь, что это говорит о том, что неведомый «черный человек» в конце концов окажется уничтожен.

Последняя фраза делает все предсказание туманным и вроде как откладывает встречу с «черным человеком» на более поздний срок: «Врага найдешь в воде». На дирижабле воды немного, маловероятно, чтобы враг подстергал тебя в воздухе, но возможны и другие толкования.

Повторю еще раз, хотя стоило бы написать предостережение десятикратно – будь осторожен. Футуроскопия редко обращает внимание на события рядового характера. Она имеет дело с катастрофами, как личными, так и общественными. Мне бы очень не хотелось потерять своего ученика в одной из таких катастроф».

В постскрипуме Поликарп Матвеевич размашистым почерком, очевидно, уже перед тем, как вложить лист бумаги в конверт, приписал:

«Наши философы утверждают, что время нелинейно. Оно как-то связано с тем, кто наблюдает события, происходящие в этом времени. События, еще не наблюдавшиеся никем или уже не наблюдающиеся никем, могут иметь «плавающую» хронологию, т. е. в зависимости

от будущего наблюдателя, изучающего случившееся постфактум (или футуролога, вглядывающегося в вероятностное будущее), происходит в разное время, различным образом. Это предположение позволяет мне верить в то, что мое письмо самим фактом своего существования изменяет время и воздействует на описываемые в нем события, независимо от того – произошли они на данный момент или же только произойдут. Я верю, я верую, я молюсь за благоприятный исход. Для тебя, для нас и для всего будущего. Просто об этом знай».

Когда поездка продолжается несколько дней, когда воздушному кораблю предстоит пересечь Евразию с запада на восток, оставляя под собой леса, реки, болота и немногочисленные человеческие поселения, на путешественника, не обремененного никакими обязанностями, неминуемо накатывает скука. Большие дирижабли зачастую жертвуют скоростью и маневренностью, чтобы обеспечить пассажиров всевозможными развлечениями. Так появляются в небе летающие казино, бары, рестораны, бильярдные комнаты, синематографические залы и даже бассейны. Зимой, конечно же, большую часть развлечений приходится ограничивать внутренними помещениями, поскольку даже ограждающие от ветра Воздушные Ловушки не способны обеспечить надлежащее тепло на верхней и передней наблюдательных площадках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.